

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ГОДЪ ТРИЦАТЬ ШЕСТОЙ

КНИГА IV

МОСКВА И ПЕТРОГРАДЪ

1915

1-й экз.

267

16

5722.

Гос. Центр.
Университетская
Библиотека

	Стр.
XVIII. ВОКРУГЪ ВОЙНЫ. Писатели о войнѣ.—Е. А. Колтоновской	135
XIX. ПО СЛѢДАМЪ БИТВЪ. Изъ кавказскихъ впечатлѣній.— З. Авалова	147
XX. ПАМЯТИ А. А. СТАХОВИЧА. († 5 апрѣля 1915 г.)— Петра Струве	158
XXI. ВЪ РОССИИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ. Обзоры и замѣтки. I. По- литика, общественная жизнь и хозяйство. 1. Рос- сія и Константинополь. С. А. Котляревскаго.—2. Крушение дѣла Бисмарка. Петра Струве.—3. Германская военная доктрина. С. Горяинова.—4. О паосѣ социализма. Петра Рысса. II. Искусство. Тоска. На выставкѣ А. С. Голубки- ной. С. Н. Булганова. III. Религія и церковь. Почему намъ дорогъ Константинополь? А. А. Смирнова (Нутаческаго) . .	1
XXII. КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Критико-библиографиче- скій отдѣлъ. I. Книги: Литература, исторія литературы и литературная критика.—Философія.—Исторія.—Правовѣ- дѣніе.—Политическая экономія, статистика и финансы.— Естествознание. II. Книжныя новости. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 марта по 1 апрѣля 1915 г.	1
XXIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ	1

1. Редакція принимаетъ только рукописи, переписанныя на машинкѣ или совершенно четко перомъ; рукописи неразборчивыя не читаются.
2. На прочтеніе рукописи полагается срокъ отъ 6 недѣль до 2 мѣсяцевъ.

3. Мелкія рукописи (меньше 1 печатнаго листа) и рукописи стихотво-
ренныхъ не сохраняются, и редакція рекомендуетъ авторамъ такихъ
произведеній оставлять у себя ихъ копи.

4. По поводу мелкихъ рукописей и стихотвореній редакція не всту-
паетъ съ гг. авторами ни въ переговоры, ни въ переписку, хотя бы на
отвѣтъ были приложены марки. Авторы такихъ произведеній, не полу-
чивше отвѣта въ теченіе 2 мѣсяцевъ, могутъ располагать ими по сво-
ему усмотрѣнію.

5. Обратная пересылка рукописей по почтѣ производится за счетъ
гг. авторовъ и притомъ исключительно *заказной* бандеролью.

Редакторъ принимаетъ по понедѣльникамъ отъ 2—5 ч.

Секретарь—по четвергамъ отъ 3—5 ч., а также въ дни и часы прие-
мовъ редактора.

Anno mundi ardentis.

I.

Подъ знакомъ Льва.

Томимый снами, я дремалъ,
Не чуя близкой непогоды;
Но грянулъ громъ, и вѣтръ упалъ,
И свѣтъ померкъ, и вадулись воды.

И кто-то для моихъ шаговъ
Провелъ невидимыя тропы
По стогнамъ буйныхъ городовъ
Объятой пламенемъ Европы.

Уже въ петляхъ скрипѣла дверь
И въ стѣны билъ прибой съ разбѣга,
И я, какъ запоздалый звѣрь,
Вошелъ послѣднимъ въ дверь ковчега.

Дорнахъ.
Августъ 1914 г.

II.

Надъ полями Альзаса.

Ангель непогоды
Пролилъ огонь и громъ,
Напоивъ народы
Яростнымъ виномъ.

Средь земныхъ безлюдій
Тишина гудитъ
Грохотомъ орудій,
Топотомъ копытъ.

епяга IV, 1915 г.

Преклоняя ухо
 Въ глубь души, внемли,
 Какъ вскипаетъ глухо
 Желчь и кровь земли.

Сентябрь 1914 г.
 Дорнахъ.

III.

Въ эти дни.

Въ эти дни великихъ шумовъ ратныхъ
 И побѣдъ пылающихъ вдали
 Я плѣненъ въ пространствахъ безвозвратныхъ
 Оголтѣлой, стынущей земли.

Въ эти дни не спазмой трудныхъ родовъ
 Схваченъ духъ: внутри разодранъ онъ
 Яростью сгрудившихся народовъ,
 Ужасомъ разъявшихся временъ.

Въ эти дни нѣтъ ни врага, ни брата:
 Всѣ во мнѣ, и я во всѣхъ; одной
 И одна—тоскою плоть объята
 И горитъ сама къ себѣ враждой.

Въ эти дни безвольно мысль томится,
 А молитвы стелются, какъ дымъ.
 Въ эти дни душа больна однимъ
 Искушеніемъ—развоплотиться.

Октябрь 1914 г.
 Дорнахъ.

IV.

Посѣвъ.

Въ осенній день по стынущимъ полянамъ
 Дымящаяся водятъ борозды
 Не пахари;
 Не радуется ранамъ
 Своимъ земля;
 Не плугъ вскопалъ слѣды;
 Не сѣмена пшеничнаго посѣва,
 Не токъ дождей въ разъявшуюсь новь,—

Но сталь и мѣдь,
Живую плоть и кровь
Недобрый Сѣятель
Въ годину Лжи и Гнѣва
Рукою щедрою посѣялъ...
Бѣдъ
И ненависти колось,
Змѣи плевель
Взойдутъ въ поляхъ безрадостныхъ побѣдъ,
Гдѣ землю-мать
Жестокій сынъ прогнѣвилъ.

Ноябрь 1914 г.
Дорнахъ.

V.

П а р и ж ъ.

Все тотъ же онъ во дни войны
Въ часы тревогъ, въ минуты боли...
Какъ будто грезить тѣ же сны
И плавить въ горнахъ тѣ же воли.
Все тѣ же крики продавцовъ
И гулъ толпы глухой и дальній.
Лишь голосъ уличныхъ пѣвцовъ
Звучить пустынный и печальный.
Да ловить глазъ въ потокахъ лицъ
Рѣшимость сдвинутыхъ надбровій,
Улыбки горькія блудницъ,
Войной одѣтыхъ въ трауръ вдовій;
Рѣшетки запертыхъ оконъ,
Да на фасадахъ полинялыхъ
Трофеи праздничныхъ знаменъ,
Въ дождяхъ и вѣтрѣ обветшалыхъ.
А по ночамъ безглазый мракъ
Въ провалахъ улицъ долго бродить,
Напоминая всѣмъ, что врагъ
Не побѣжденъ и не отходить.
Да свѣты небо стерегутъ,
Да вѣтръ доносить запахъ пашни,
И безпокойно-долгій гудъ
Идетъ отъ Эйфелевой башни,
Она чрезъ океаны шлетъ

То бѣгъ часовъ, то вѣсть возмездья,
И сквозь желѣзный переплетъ
Сверкаютъ зимнія созвѣзды.

Январь 1915 г.
Парижъ.

VI.

Реймсская Богоматерь.

„Vue de trois-quarts, la Cathedrale de Reims
évoque une grande figure de femme, agenouillée,
en prière“.

Rodin.

Въ минуты грусти просвѣтленной
Народы созерцать могли
Ее—колѣнопреклоненной
Средь виноградниковъ Земли.
И всѣхъ, кто сномъ земли недужепь,
Ея цѣлила благодать,
И шли волхвы, чтобъ увидеть
Ее—жемчужину жемчужинъ.
Она несла свою печаль,
Одѣта въ каменные ткани
Прозрачно-сѣрыя, какъ даль
Спокойныхъ овидей Шампани.
И сотканъ былъ ея покровъ
Изъ жемчуга луговъ поемныхъ,
Туманныхъ утръ и облаковъ,
Дождей хрустальныхъ, ливней темныхъ.
Одеждъ ея чудесный сонъ,
Небеснымъ свѣтомъ опаленъ,
Горѣлъ въ сияньи малыхъ радугъ,
Сердца мерцали алыхъ розъ,
И свѣтотѣнь курчавыхъ складокъ .
Струилась прядями волосъ.
Земными создана руками,
Она сама была землей—
Ея лугами, и рѣками,
Ея предутренними снами,
Ея вечерней тишиной.
...И обнаживъ, ее распяли...
Огонь лизалъ, и стрѣлы рвали

Святую плоть... Но по ночамъ
Въ порывѣ безысходной муки
Ея обугленные руки
Простерты къ зимнимъ небесамъ.

1915 г. 19/п.
Парижъ.

VII.

Dies illa tam amara.

„...И отдала земля мертвыхъ, бывшихъ въ ней...“

Праху—прахъ...
Я сталъ давно землей...
Мною цвѣли растеня,
Мною свѣтило солнце.
Все, что было плотью,
Развѣялось, какъ радужная пыль,
Живая, безымянная.
И Океанъ временъ
Катилъ прибой столѣтій...

Вдругъ
Призывъ Архангела,
Насквозь сверкающій
Кругами мѣдныхъ звуковъ
Потрясъ вселенную;
И вспомнилъ себя
Я каждою частицей,
Разсѣянною въ мѣрѣ.
Въ трубномъ вихрѣ плотью
Истлѣвшія цвѣли въ могилахъ кости.
Въ земныхъ утробахъ
Зашевелилась жизнь,
А травы вяли,
Сохли деревья,
Лучи темнѣли,
Холодѣло солнце.

Настало
Великое молчанье.
Въ шафранномъ и тускломъ сумракѣ
Земля лежала разверстымъ кладбищемъ.

Какъ бурне нарывы,
Могильники вздувались,
Разсѣдались,
Обнажая побѣги блѣдной плоти.
Пясти
Ростками тонкихъ пальцевъ
Тянулись изъ земли;
Ладони розовѣли;
Стебли рукъ и ногъ съ усиьемъ прорастали,
Вставали торсы, мускулы вздувались,
И быстро поднималась
Живая нива плоти,
Волнуясь и шурша...

Когда же темнымъ клубнемъ
Въ комкахъ земли и спутанныхъ волосъ
Раскрылась голова,
И мертвые разверзлись очи,—
Небо
Разодралось, какъ занавѣсъ,
Изякло время,
Пространство сморщилось
И перестало быть...

И каждый
Внутри себя увидѣлъ
Солнце
Въ Звѣриномъ Кругѣ...
...И самъ себя судилъ...

Максимиліанъ Волошинъ.

1915 г. 1/п.
Царяжъ.

ПЫЛЬ ¹⁾.

Романъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

Концы опять брошены. Опять, какъ спицы въ колесѣ, закружились дни. Но каждый новый день приноситъ намъ новую неудачу. Мы топчемся на одномъ мѣстѣ. Всѣ наши попытки придвинуться хоть на одинъ шагъ падаютъ безсильно, словно снесенные вѣтромъ сухіе листья.

— Ты слишкомъ торопишься,—говоритъ мнѣ Борисъ.

Знаю, онъ сейчасъ добавитъ: какъ перепуганный ямщикъ. Молчу. Прощаюсь съ нимъ и ухожу. Уже горятъ фонари, я могу покинуть улицу, вернуться домой. Мой домъ — сѣро-темный. На лѣстницѣ постоянно слоняются кошки. Въ вечерній часъ сверкаютъ кружочки-глаза, слышится вкрадчивый шелестъ гибкихъ, пушистыхъ тѣлъ, и мнѣ становится жутко, когда на меня въ темнотѣ надвигается фосфорическій глазъ, и противно, когда возлѣ моихъ ногъ шевелится клубокъ живого трепещущаго мяса.

До утра я въ своемъ углу. Онъ грязный, въ немъ еле помѣщается кровать, за окномъ глухая стѣна чужого дома. Никто не видитъ меня, не надо прятаться, ломать себя и, когда хочется отъ боли закрыть глаза, не надо пытливо глядѣть во всѣ стороны. Моя хозяйка—лавчница. На базарѣ ея лавчонка. Такая же сморщенная, такая же приниженная. Моя хозяйка одна. У нея былъ сынъ, но онъ исчезъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. „Растаялъ“, какъ она сама объясняетъ съ покорной улыбкой. Говорить, что я похожъ на него.

— Охъ, какъ двѣ капли воды!

¹⁾ Окончаніе. См. *Русская Мысль* 1915 г., кн. I, II и III.

ваній, при которыхъ страданіе не обусловлено стойкими измѣненіями органовъ. Нѣкоторые изъ нихъ прямо заявляютъ, что „ихъ взгляды, конечно, не могутъ быть примѣнены къ болѣзнямъ съ глубокими измѣненіями внутреннихъ органовъ“. Я же распространяю зависимость теченія болѣзней отъ міросозерцанія на всю область внутреннихъ болѣзней и считаю, что вообще душевный міръ человѣка обуславливаетъ продолжительность его жизни (см. „Идеализмъ“, стр. 168), что тѣ группы клѣтокъ мозговой коры, строеніемъ и жизнедѣятельностью которыхъ обуславливаются сознательные процессы нашей нравственной жизни и наши отношенія къ окружающимъ людямъ и всему человѣчеству, въ то же время регулируютъ и ходъ жизненныхъ процессовъ всѣхъ остальныхъ клѣтокъ нашего организма (стр. 170). Я позволяю себѣ высказать утвержденіе, что человѣкъ живетъ столько, сколько у него имѣется въ запасѣ идеализма и сколько хватаетъ ему душевныхъ силъ въ борьбѣ съ его окружающимъ. Отъ его душевнаго міра зависятъ состояніе и степень изнашиваемости его внутреннихъ органовъ (стр. 169).

А. И. Яроцкій.

Экономическое положеніе евреевъ и война. ¹⁾

Основной особенностью экономического быта еврейскаго населенія является его исторически сложившаяся оторванность отъ земли, полное лишеніе тѣхъ естественныхъ источниковъ хозяйственныхъ благъ, на обладаніи коими прочно покоится благосостояніе другихъ народовъ. Эта оторванность евреевъ отъ земли закрѣпляется и усугубляется въ Россіи законодательствомъ, воспреещающимъ евреямъ почти на всей территории Имперіи покупку и аренду земли внѣ черты городовъ и мѣстечекъ и затрудняющимъ имъ даже и пребываніе въ сельскихъ мѣстностяхъ. Другой особенностью положенія еврейскаго населенія является отсутствіе опоры въ государственной организаціи. Какъ бы мы ни подчеркивали классовый моментъ въ современной организаціи государственной власти, во всякомъ случаѣ эта власть принципиально никогда не отказывалась и не можетъ отказаться отъ служенія народнымъ интересамъ, и фактически она является носителницей важнѣйшихъ культурныхъ функций. По отношенію къ еврейскимъ гражданамъ государственная власть сплошь и рядомъ выступаетъ совершенно инымъ образомъ.

Не имѣя въ буквальномъ смыслѣ почвы подъ ногами и не имѣя въ то же время никакой поддержки въ государственной организаціи, еврейское населеніе можетъ надѣяться только на себя, на свою индивидуальную энергію, приспособляемость и трудоспособность. Эти, вѣками выработанныя, свойства еврей и проявляютъ въ своей экономической дѣятельности. Однако, условія, въ которыя они поставлены въ Россіи, настолько тяжелы, что значительной части ихъ все же не удается обезпечить себѣ сколько-нибудь спосное существованіе.

Подавляющая масса еврейскаго населенія—около 94%—сосредоточена въ юго-западной части Имперіи, въ предѣлахъ такъ называемой черты осѣдлости. Здѣсь еврей составляютъ $\frac{1}{9}$ долю общаго населенія. Въ странѣ, преимущественно аграрной, такая доля чисто промысловаго населенія является довольно значительной. Однако тѣ же ограничитель-

---

¹⁾ Докладъ, читанный 16 января с. г. въ общемъ собраніи Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества.

ные законы о правѣ жительства ставятъ серьезныя препятствія развитію дѣятельности евреевъ даже и въ такихъ промыслахъ, которые имъ доступны.

Прежде всего въ странѣ, не перегороженной таможенными заставами, торговый классъ долженъ быть достаточно подвиженъ, и законъ, препятствуя еврейскому торговому классу свободно передвигаться по странѣ, мѣшаетъ правильному развитію его экономической дѣятельности.

Но главное, что и черта осѣдлости далеко не вся доступна для промысловой дѣятельности евреевъ. „Временными Правилами 1882 г.“ евреямъ было воспрещено вновь селиться внѣ черты городовъ и мѣстечекъ. Эти „Временныя Правила“ дѣйствуютъ уже 33 года, а сенатскія толкованія и административная практика придали имъ весьма широкій смыслъ, чрезвычайно затруднившій даже временный доступъ евреевъ въ сельскія мѣстности. Съ отрицательнымъ рѣшеніемъ, такъ называемаго, дачнаго вопроса, евреямъ, можно сказать, воспрещено дышать воздухомъ полей и лѣсовъ родной страны, они заперты въ узкихъ рамкахъ плановой черты городовъ и мѣстечекъ, какъ эта черта была много десятилетій назадъ намѣчена.

При современномъ переплетеніи экономическихъ интересовъ земледѣльческаго и промысловаго населенія, порвать эти связи оказалось, конечно, невозможнымъ. На большей части территории черты осѣдлости сѣтъ городскихъ поселеній настолько густа, что контактъ еврейскаго населенія съ сельскимъ такъ или иначе сохранился. Однако въ губерніяхъ Новороссійскихъ, особенно въ Екатеринославской и Таврической, эта сѣтъ очень разрѣжена: на цѣлый уѣздъ приходится часто 1—2 городскихъ пункта, которые только и доступны евреямъ. При такихъ условіяхъ даже столь подвижный еврейскій торговый классъ не всегда въ состояніи правильно обслуживать сельское населеніе. Этимъ слѣдуетъ объяснить тотъ фактъ, что цѣлый рядъ уѣздныхъ комитетовъ объ улучшеніи сельскохозяйственной промышленности (днѣпровскій, ялтинскій, перекопскій) высказывались за необходимость разрѣшить евреямъ селиться внѣ городовъ.

Еще труднѣе, конечно, обслуживать сельское населеніе еврейскому ремесленнику, который по понятнымъ причинамъ не можетъ быть столь подвиженъ, какъ торговецъ. И на эту ненормальность раздаются жалобы съ точки зрѣнія интересовъ сельскаго населенія даже и въ губерніяхъ праваго берега Днѣпра.

Такъ, въ земскомъ изслѣдованіи „Ремесла и промыслы Херсонской губ.“ указывается, что портные въ однихъ мѣстахъ скучены до чрезвычайности, а въ другихъ мѣстахъ ихъ совсѣмъ нѣтъ. „Отсутствіе кузнеца на мѣстѣ“, чигаемъ мы также въ упомянутомъ изслѣдованіи, „часто вынуждаетъ приостановить спѣшную, не терпящую отлагательства ра-

боту; а отсутствіе хорошаго кузнеца, способнаго произвести хотя бы временную починку въ сложныхъ машинахъ, задерживаетъ распространеніе жатокъ и молотилокъ“. Замѣтимъ, что и портняжное, и кузнечное ремесла широко распространены среди евреевъ, и если этихъ ремесленниковъ въ селахъ Херсонской губерніи нѣтъ, то потому, что эти ремесленники заперты въ городахъ и немногихъ мѣстечкахъ этой губерніи.

Немногочисленностью мѣстечекъ въ губерніяхъ лѣваго берега Днѣпра объясняется тотъ фактъ, что евреи составляютъ тамъ всего только 4—5% общаго населенія, между тѣмъ какъ въ сосѣднихъ губерніяхъ праваго берега Днѣпра они составляютъ болѣе 12% общаго населенія. Эти губерніи только условно можно считать входящими въ черту еврейской осѣдлости.

Но и самые города черты осѣдлости лишь съ оговоркой можно считать открытыми для еврейскаго населенія. Въ сущности евреямъ доступны лишь тѣ города, которые таковыми давно уже числятся въ административномъ спискѣ. Но экономическая жизнь такой сравнительно молодой страны, какъ Россія, не стоитъ на мѣстѣ. Съ проведеніемъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ, съ разработкой, лежавшихъ раньше втунѣ, естественныхъ богатствъ создаются новые города. Всѣ они остаются внѣ досягаемости евреевъ, ибо они продолжаютъ числиться сельскими мѣстностями, хотя бы населеніе ихъ никакого отношенія къ сельскому хозяйству не имѣло. Такимъ образомъ, весьма богатый Донецкій горнопромышленный районъ съ его вновь возникшими заводскими поселками, въ которыхъ числятся десятки тысячъ населенія, почти недоступенъ для евреевъ, хотя онъ болшею частью находится въ предѣлахъ черты осѣдлости.

Но даже и среди настоящихъ городовъ черты осѣдлости немногіе, но зато весьма важные по значенію, въ болшей или меньшей мѣрѣ сдѣланы недоступными для евреевъ. Такъ, исключенъ изъ черты еврейской осѣдлости главный центръ Юго-Западнаго края—Кіевъ, въ которомъ завязанъ весь узелъ экономической жизни этого края, исключенъ важнѣйшій торговый портъ на Черномъ морѣ—Николаевъ, исключенъ важнѣйшій военный портъ—Севастополь и, наконецъ, важнѣйшій курортъ—Ялта. Такимъ образомъ, область доступная промысловой дѣятельности евреевъ, до чрезвычайности сужена.

И въ городахъ оторванность евреевъ отъ основнаго богатства страны—отъ земли—даегъ себя чувствовать въ такой аграрной странѣ, какъ Россія. Перепись 1897 года показала, что половина городскаго населенія Россіи числится по сословію сельской. Конечно, для весьма значительной части этого населенія связи съ деревней являются фиктивными, но едва ли это справедливо для большинства. Что большинство это дѣйствительно связано съ деревней, можно судить по тому, что среди городскаго населенія сельскихъ сословій приходилось на 100 мужчинъ

лишь 55 женщин; такой неправильный половой состав населения указывает, что въ города идутъ работники, конхъ семьи остались въ деревнѣ. Эти работники сплошь и рядомъ ищутъ въ городѣ лишь добавочнаго заработка къ тому основному, который они извлекаютъ изъ сельскаго хозяйства. Направляясь преимущественно въ неквалифицированные отрасли труда, эти пришельцы изъ деревни понижаютъ въ нихъ заработную плату до минимума. Отсюда вытекаетъ всеобщая тенденция кореннаго городского населенія подняться въ сферы труда высшей квалификации, свободныя отъ конкуренціи мало требовательныхъ пришельцевъ изъ деревни. Эти тенденции, конечно, сильно развиты и у еврейскаго населенія. Но въ этомъ они встрѣчаютъ прогиводѣйствіе со стороны государства и органовъ мѣстнаго самоуправления, которые закрываютъ передъ ними цѣлый рядъ квалифицированныхъ отраслей труда. Особенно роковое значеніе для еврейскаго населенія имѣетъ развитіе хозяйственной дѣятельности государства. Такъ, переходъ въ 80-хъ годахъ въ руки казны желѣзныхъ дорогъ привелъ къ тому, что всѣ евреи, которые имѣли какое-либо касательство къ этой отрасли народнаго труда, начиная отъ инженера и кончая носильщикомъ, были устранены отъ ихъ занятій. Важная сфера экономической дѣятельности, и притомъ такая, значеніе которой съ теченіемъ времени возрастаетъ, стала евреямъ совершенно недоступной. Это стремленіе государства не допускать евреевъ къ квалифицированнымъ формамъ труда находить себѣ гармоничное завершеніе въ ограниченіи доступа евреевъ въ школы.

Таковы тѣ узкія рамки, въ которыя втиснута экономическая дѣятельность многомилліоннаго еврейскаго населенія Россіи. Въ связи съ этимъ стоитъ и своеобразный профессиональный составъ еврейскаго населенія, данныя о которомъ по переписи 1897 г. здѣсь приводятся.

Группы профессій.	Самостоятельныя.		Самостоятельныя и члены семьи.	
	Абсолютно.	Въ %.	Абсолютно.	Въ %.
1. Сельское хозяйство	37,373	2,4	179,400	3,55
2. Промышленность	555,229	36,3	1.793,937	35,43
3. Передвиженіе и сообщеніе	45,958	3,0	201,027	3,98
4. Торговля	474,980	31,0	1.956,852	38,65
5. Дѣятельность и служба частная; прислуга, поденщики	175,750	11,5	334,827	6,61
6. Государ. и обществ. служба; сво- бодныя профессіи	71,914	4,7	264,683	5,22
7. Непроизводительная и неопредѣ- ленная профессія	116,338	7,6	278,095	5,49
8. Вооруженныя силы	53,195	3,5	54,277	1,07
	1.530,737	100,0	5.003,098	100,00

Разсматривая эти цифры, приходится прежде всего констатировать, что, хотя торговля профессия имѣютъ очень важное значеніе въ экономической жизни еврейскаго населенія, все же взглядъ на евреевъ, какъ на народъ, торговый по преимуществу, не оправдывается дѣйствительностью. Нѣтъ ни одной губернии, въ которой торговля кормила бы хотя бы половину еврейскаго населенія. Представленіе о еврейскомъ населеніи, какъ преимущественно торговомъ, возникаетъ вслѣдствіе того, что многочисленный торговый классъ евреевъ по характеру своей профессиональной дѣятельности у всѣхъ на виду. Численность лицъ, занятыхъ въ промышленности, какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, превышаетъ численность лицъ, занятыхъ въ торговлѣ. Они состоятъ изъ двухъ далеко не равныхъ группъ: около полумилліона составляетъ число евреевъ, занятыхъ въ ремеслѣ и мелкой промышленности, и около 50 тысячъ—число занятыхъ въ фабричной промышленности. Торговлей и промышленностью заняты $\frac{2}{3}$ еврейскаго самостоятельнаго, а живутъ этими профессіями $\frac{3}{4}$ всего еврейскаго населенія. Однако, и прочія профессіи представлены среди евреевъ.

Довольно значительна численность евреевъ чернорабочихъ, которые попадаютъ въ 3-ю и 5-ю рубрику профессій. Ихъ много преимущественно въ Царствѣ Польскомъ и въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Это—извозчики легковые и ломовые, носильщики тяжестей, гонщики плотовъ, вязчики плотовъ, крутолозы, пильщики, мостовщики и т. п.

Земледѣліе естественно играетъ весьма скромную роль въ экономической жизни евреевъ. Но все же почти всѣ колоніи, основанныя въ первой половинѣ XIX столѣтія, сохранились до сихъ поръ, и кромѣ того евреи проложили себѣ путь въ нѣкоторыя интенсивныя отрасли сельскаго хозяйства. Такъ, табаководство въ Бессарабіи есть отрасль труда почти исключительно еврейская; тамъ выработался особый трудовой типъ еврейскаго табаковода. Въ сѣверной половинѣ черты осѣдлости евреи замѣтно развили промышленное огородничество.

Современная экономическая дѣятельность евреевъ, не заключая въ себѣ никакихъ элементовъ натурального хозяйства, въ то же время далеко вышла за рамки узкихъ районовъ. Едва ли на территоріи Имперіи имѣется элементъ населенія, котораго экономическое положеніе находилось бы въ столь тѣсной зависимости отъ обмѣна въ широкомъ масштабѣ, всероссійскомъ или даже международномъ. На такомъ обмѣнѣ основана прежде всего дѣятельность еврейскаго торговаго класса. Главная масса еврейскаго торговаго люда занята не лавочной торговлей, а экспортной, которая состоитъ въ концентраціи разсѣяннаго въ пространствѣ, въ рукахъ множества мелкихъ производителей, сырья для передвиженія его сравнительно крупными партіями на далекіе рынки и, въ особенности, за границу. Но и еврейская промышленная дѣятельность

только въ мѣстечкахъ сохранила свои типичныя ремесленныя формы, только здѣсь ремесленникъ работаетъ еще на мѣстнаго потребителя и не потерялъ контакта съ нимъ. Въ крупныхъ городахъ еврейское ремесло въ значительной мѣрѣ превратилось въ капиталистически организованную мелкую промышленность, обслуживающую часто далекие рынки. Если, на примѣръ, взять весьма распространенное среди евреевъ портняжное ремесло, то окажется, что въ цѣломъ рядѣ городовъ евреи портные работаютъ на экспортъ. Такъ, Варшава высылаетъ во всѣ крупные города внутренней Россіи огромныя количества готового женскаго и дѣтскаго платья, изготовленнаго на мѣстѣ по послѣднимъ заграничнымъ фасонамъ. Такъ, часто упоминавшійся при описаніи военныхъ дѣйствій, г. Бжезинъ, Петрок. губ., производитъ на много миллионъ рублей самаго дешеваго платья, тѣхъ „троекъ“, въ которыя одѣваются массы рабочаго люда въ промышленныхъ центрахъ Россіи, когда онѣ забрасываютъ „русское платье“. Вильно и Витебскъ экспортируютъ готовое платье для обывателя средней руки. Цѣлый рядъ крупныхъ городовъ Сѣверо-Западнаго края стали центромъ экспорта такъ называемой механической обуви, т.-е. обуви, въ которой подошва не пришивается, а прибивается гвоздиками. Житомиръ и окрестныя полѣвскія мѣстечки, Бобруйскъ, Вильно, м. Яново Ковенской губерніи, Варшава стали центрами экспорта мебели. Даже производство мелкихъ пунктовъ черты осѣдлости оказывается подчасъ связаннымъ съ весьма отдаленными рынками. Такъ, въ глухомъ Бѣлгоравѣ, Люблинской губерніи, мѣстное еврейское населеніе отъ мала до велика занято плетеніемъ волосяныхъ ситъ, вывозимыхъ во внутреннюю Россію. Еврейское населеніе м. Полангена, Курляндской губерніи, закупаетъ янтарь у германскаго правительства, монополизировавшаго добычу этого продукта, и, послѣ обработки и шлифовки, отправляетъ его въ Персію и Турцію. Понятно, что при такомъ характерѣ экономической дѣятельности еврейскаго населенія нормальное состояніе товарообмѣна является необходимой предпосылкой его благополучія.

Другой особенностью современнаго экономическаго положенія евреевъ является обостренность борьбы за существованіе среди нихъ. Какой бы оборотливостью и приспособляемостью ни отличалось еврейское населеніе, но во всякомъ случаѣ сфера приложенія для его труда настолько сужена дѣйствующимъ законодательствомъ и исторически сложившимися условіями его жизни, что немногія профессіи, доступныя евреямъ, оказываются перегруженными предложеніемъ труда. Отсюда шаблонныя жалобы на „скученность“ еврейскаго населенія. Эта „скученность“ является отчасти и физическимъ понятіемъ: въ нѣкоторыхъ городахъ еврейское населеніе какъ бы сдавлено въ плановой чертѣ города. Но чаще въ этотъ терминъ вкладывается экономическое содер-

жане. Перепись 1897 г. доказала, что для такихъ жалобъ имѣются основанія.

И произвелъ сравненіе профессиональнаго состава населенія четырехъ смежныхъ губерній, изъ коихъ двѣ, Псковская и Смоленская, лежатъ внѣ черты осѣдлости, и двѣ, Витебская и Могилевская, лежатъ въ чертѣ осѣдлости. Между этими губерніями нѣтъ рѣзкихъ различій въ естественно-историческомъ отношеніи, и ни одна изъ этихъ губерній не является важнымъ центромъ крупной фабричной промышленности. При всемъ томъ въ профессиональномъ составѣ населенія первыхъ двухъ губерній и двухъ другихъ губерній замѣчаются характерныя различія. Въ Псковской и Смоленской губерніяхъ торговая дѣятельность кормитъ всего лишь 1,94% населенія, въ Витебской же и Могилевской—5,29%. Изготовленіемъ одежды живутъ въ первыхъ двухъ губерніяхъ 1,09% и 1,16% населенія, а въ двухъ другихъ—2,43% населенія. Различія въ относительной численности населенія, живущаго извозомъ, еще рѣзче. Несомнѣнно, что въ чертѣ осѣдлости, благодаря наличности еврейскаго населенія, мѣновыя отношенія глубже охватили всю мѣстную экономическую жизнь, чѣмъ внѣ черты осѣдлости, а потому численность промысловаго населенія естественно тамъ можетъ быть больше. Но все же различія не могутъ быть настолько существенны, чтобы тѣми профессіями, коими внѣ черты осѣдлости кормится 100 человѣкъ, могли въ чертѣ осѣдлости безбѣдно прокормиться 200—300 человѣкъ. Промысловому населенію въ чертѣ осѣдлости приходится очень-таки туго.

При непрерывно развивающемся давленіи ограничительнаго законодательства, въ теченіе 80-хъ и 90-хъ годовъ замѣчалось угрожающее нарастаніе пауперизма среди еврейскаго населенія. Къ счастью эта пауперизація была задержана развитіемъ эмиграціи. Конечно, на послѣднюю нельзя возлагать надеждъ въ смыслѣ разрѣшенія еврейскаго вопроса въ Россіи. Только въ исключительные годы погромовъ эмиграція поглощаетъ естественный приростъ еврейскаго населенія съ лишкомъ. Въ обычные годы она прироста не поглощаетъ. Но во всякомъ случаѣ эмиграція содѣйствовала сокращенію кадровъ избыточнаго населенія и дала возможность еврейской массѣ кое-какъ существовать, несмотря на тиски ограничительнаго законодательства. Эмиграція вызвала еще и то явленіе, что мало трудоспособные элементы еврейскаго населенія, оставался въ Россіи, получаютъ существенную помощь отъ своихъ уѣхавшихъ за море родныхъ. Такимъ образомъ, и эмиграція поставила еврейское населеніе въ тѣсную зависимость отъ интернаціональныхъ сношеній.

Представивъ себѣ въ общихъ чертахъ характеръ экономической дѣятельности евреевъ, мы можемъ получить извѣстное представленіе и о тѣхъ экономическихъ бѣдствіяхъ, которыя война должна была причи-

пить имъ. Главнымъ театромъ военныхъ дѣйствій въ настоящую войну оказалось Царство Польское—страна, имѣющая очень густое еврейское население. Вторженіе врага коснулось болѣе $\frac{2}{3}$ территоріи Царства Польскаго. Кромѣ этой страны существенно пострадала отъ военныхъ дѣйствій пограничная полоса Ковенской губерніи и значительно слабѣе пограничные пункты Подольской и Волынской губерній.

Здѣсь не приходится много распространяться о силѣ разрушительнаго дѣйствія современной войны. Ее можно было предвидѣть, зная непрерывное совершенствованіе орудій разрушенія. Неожиданнымъ оказался за то характеръ отношенія къ мирному населенію, гораздо болѣе суровый, чѣмъ его можно было предвидѣть. Разрушительное дѣйствіе войны въ Царствѣ Польскомъ усугубилось еще тѣмъ, что большинство районовъ его стало жертвой многократныхъ наступленій и отступленій непріятеля, и то, что не погибало при первыхъ столкновеніяхъ, то прикалчивали послѣдующія. Въ настоящее время на лѣвомъ берегу Вислы сейчасъ еще не время „считать раны“. Но уже по очищеннымъ отъ непріятеля губерніямъ праваго берега Вислы, Люблинской, Холмской, Сувалкской можно себѣ составить нѣкоторое представленіе о размѣрахъ опустошеній, вызванныхъ военной грозой. По предварительному подсчету взаимнаго страхованія Царства Польскаго въ тѣхъ районахъ упомянутыхъ двухъ губерній, которые были захвачены военными дѣйствіями, уничтожено около $\frac{1}{3}$ части стоимости застрахованнаго недвижимаго имущества. Значительно большая часть движимаго имущества погибла въ огнѣ, отъ реквизицій и хищеній. Не касаясь деревень, можно отмѣтить полное сожженіе цѣлаго ряда городскихъ поселеній. Такъ, почти цѣликомъ сгорѣлъ крупный пос. Лащовъ Холмской губ., пос. Ходель и Юзефовъ Люблинской губ., пос. Яновъ Плоцкой губ., м. Мыштинецъ Ломжинской губ., м. Бакаларжево и Выштинецъ Сувалкской губ. Въ значительной части пострадали гор. Томашовъ и Красноставъ Люблинской губ. и мн. др.

Ужасы войны заставили значительную часть населенія сняться съ насиженныхъ мѣстъ и бѣжать отъ непріятельскаго нашествія. Такимъ образомъ, создались значительные кадры того наиболѣе несчастнаго элемента, который теперь именуютъ „бѣженцами“. Наряду съ этими жертвами непріятельскаго нашествія весьма значительные кадры „бѣженцевъ“, преимущественно евреевъ, образовались вслѣдствіе эвакуаціи крѣпостныхъ городовъ. Самый крупный фактъ этого рода представляетъ эвакуація г. Ковна, въ которомъ жило до 100 тысячъ населенія, въ томъ числѣ около 40 тысячъ евреевъ; далѣе слѣдуетъ отмѣтить эвакуацію г. Гоніондза при крѣпости Оссовецъ, пос. Ирены и г. Ново-Александріи при крѣпости Ивангородъ. Значительные кадры бѣженцевъ образовались также благодаря эвакуаціи исключительно еврейскаго населенія по специальнымъ военнымъ соображеніямъ. Сюда относится эва-

куація Скерневиць, Гродзиска, Гуры-Кальваріи, Мышинца, Хоржело и другихъ пунктовъ. Въ виду спѣшности выселенія евреевъ имущество вы-селяемыхъ не всегда находило себѣ защиту.

Образовавшіеся, такимъ образомъ, огромные кадры бѣженцевъ стали загромождать собою близлежащіе города тыла. Трудно учесть численность этихъ бѣженцевъ, ибо они представляютъ изъ себя текучую массу. Наибольшее нагроможденіе бѣженцевъ замѣчается естественно въ Варшавѣ, гдѣ къ моменту перваго наступленія германцевъ ихъ численность перешла за 80 тысячъ человекъ, но и въ болѣе спокойное время оно достигаетъ двадцати тысячъ. Бѣженцы изъ сѣверной части Сувальской губерніи концентрируются въ Вильнѣ, изъ южной части Сувальской губерніи и сосѣднихъ уѣздовъ Ломжинской губерніи — въ Бѣлостокѣ, изъ Холмской и Люблинской губерніи — въ Люблинѣ. Однако и всѣ мелкіе пункты переполнены бѣженцами, особенно евреями. Такъ, въ какомъ-нибудь г. Праснышѣ сосредоточено 400 семействъ евреевъ бѣженцевъ, въ г. Ломжѣ — 300 семействъ, въ г. Остроленкѣ ютится большая часть изъ тѣхъ 1000 еврейскихъ семействъ, которыя вынуждены были покинуть Мышинецъ и Хоржеле и т. д.

Въ движеніи численности бѣженцевъ замѣчаются характерныя особенности. При наступленіи непріятеля волна бѣженцевъ нарастаетъ, и въ ней евреи составляютъ меньшинство — въ Варшавѣ $\frac{1}{6}$ часть, въ Вильнѣ — $\frac{1}{3}$ часть. При отступленіи непріятеля общая численность бѣженцевъ сокращается, но бѣженцы евреи большею частью остаются на мѣстѣ, и, такимъ образомъ, скоро оказывается, что именно они составляютъ большинство бѣженцевъ. Причины этого явленія многообразны. Прежде всего возвращеніе евреевъ въ районы, близкіе къ боевымъ позиціямъ, встрѣчается съ запрещеніями, мотивируемыми, такъ называемыми, стратегическими соображеніями. Но главное значеніе имѣютъ тѣ особыя экономическія и правовыя условія, въ которыхъ живетъ еврейское населеніе. Городское населеніе требуетъ сравнительно сложнаго комплекса экономическихъ условій для того, чтобы оно могло вернуться къ своей нормальной дѣятельности; уже поэтому оно не можетъ такъ быстро вернуться къ своимъ пенатамъ, какъ сельское. Но особенно это слѣдуетъ сказать про еврейское населеніе, которое по характеру своей дѣятельности такъ сильно связано съ нормальнымъ состояніемъ товарообмѣна. Далѣе, всѣ прочіе горожане, кромѣ евреевъ, не имѣя возможности вернуться домой, въ большомъ количествѣ уѣзжаютъ во внутреннія губерніи, что для евреевъ представляется невозможнымъ.

Само собой разумѣется, что правильный способъ устройства бѣженцевъ требуетъ не того, чтобы они скучивались въ небольшомъ числѣ городовъ, ложась бременемъ на мѣстныя, и безъ того истощенныя войной, благотворительныя учрежденія. Очевидно, что эти десятки тысячъ бѣ-

женцевъ необходимо скорѣе пристроить къ работѣ. Однако изъ сказаннаго выше о характерѣ экономической дѣятельности еврейскаго населенія и напряженности конкуренции въ его средѣ явствуетъ, что не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы въ городахъ Западнаго края въ профессіяхъ, доступныхъ евреямъ, могли получить занятіе дополнительно десятки тысячъ людей.

Прежде всего не только Царство Польское, но и вся черта осѣдлости находится въ ближайшемъ тылу войны. Здѣсь произошло наибольшее сокращеніе въ передвиженіи гражданскихъ грузовъ, сокращеніе, которое по выясненнымъ причинамъ должно было самымъ губительнымъ образомъ отозваться на экономической дѣятельности еврейскаго населенія. Далѣе, большимъ ударомъ для еврейскаго населенія является прекращеніе экспорта, который имѣлъ для еврейскаго населенія совершенно исключительное значеніе. Для еврейскаго населенія юга особенно большое значеніе имѣетъ прекращеніе экспорта зерна; для благосостоянія еврейскаго населенія Сѣверо-Западнаго края такое же значеніе имѣетъ временная ликвидація лѣсной промышленности, почти цѣликомъ рассчитанной на заграничные рынки. Наконецъ, и самый характеръ продуктовъ, производимыхъ еврейскимъ ремесленникомъ, часто бываетъ такого рода, что подъ вліяніемъ войны спросъ на нихъ долженъ былъ сократиться. Это слѣдуетъ сказать про весьма многочисленныхъ еврейскихъ строительныхъ рабочихъ: каменщиковъ, плотниковъ, маляровъ, стекольщиковъ и т. п., про мебельщиковъ, про производителей различнаго рода галантерейныхъ товаровъ.

И независимо отъ бѣженцевъ въ большинствѣ крупныхъ центровъ еврейскаго населенія сказываются безработица и разореніе. Прежде всего это слѣдуетъ сказать про Варшаву. Добрая половина 300-тысячнаго еврейскаго населенія польской столицы жила производствомъ для внутренней Россіи разнаго рода галантерейнаго товара по послѣднимъ заграничнымъ образцамъ: какъ готоваго платья, перчатокъ, галстуконъ, перьевъ, шляпъ и т. д. Весь этотъ товаръ, производившійся въ значительной части изъ заграничнаго матеріала, или не можетъ быть произведенъ за отсутствіемъ матеріала, или не можетъ быть вывезенъ за отсутствіемъ подвижнаго состава, или не можетъ быть сбытъ за отсутствіемъ на него спроса. Такимъ образомъ, эта наиболѣе многолюдная еврейская община Россіи переживаетъ исключительно бѣдственное время. Но не лучше положеніе и городовъ, лежащихъ глубже, въ тылу арміи. Всѣ многочисленные города и мѣстечки, лежащія вдоль западной границы, начиная отъ г. Полацка и кончая г. Каменецъ-Подольскомъ, совершенно омертвѣли, ибо торговля съ Германіей и Австріей составляла всю ихъ экономическую *raison d'être*. То же слѣдуетъ сказать про наши южные портовые города.

Въ Бѣлостокѣ вскорѣ послѣ начала войны замерла вся мануфактурная промышленность, и только въ послѣднее время работу на нѣкоторыхъ фабрикахъ удалось возобновить. По возьмемъ даже болѣе глубокий тылъ—и тамъ положеніе немногимъ лучше. Въ Вильнѣ въ началѣ осени комиссіей о безработныхъ была сдѣлана анкета о численности безработныхъ. Ихъ къ тому времени оказалось 8,000 человекъ, не считая семействъ. Среди портныхъ было 69% безработныхъ, среди заготовщиковъ—64%, среди чулочницъ—50%, среди переплетчиковъ—47%,—все это профессіи, въ которыхъ еврейскій трудъ сильно представленъ. Наконецъ, передвинемся еще дальше, въ Бобруйскъ, откуда, кажется, уже никуда не доскачешь,—и здѣсь положеніе немногимъ лучше. „Городъ,—читаемъ мы въ докладѣ уполномоченнаго Еврейскаго Комитета помощи жертвамъ войны отъ начала октября,—фактически жилъ лѣсопромышленностью. При полномъ застоѣ въ дѣлахъ служащіе разсчитаны, посредники лишились всякой точки опоры, и нужда среди этой группы обывателей, проживающихъ обычно 60—100 руб. въ мѣсяцъ, ужасная... Въ торговлѣ застоѣ, особенно среди мануфактуристовъ... Замѣчается также безработица среди ремесленниковъ... Безъ работы остались портные... Плохія дѣла также у портныхъ и швеекъ... Безъ работы остались заготовщики и т. д.“.

Такъ обстоитъ дѣло въ глубокомъ тылу.

Экономическіе кризисы, посѣщавшіе страну, и раньше остро задѣвали евреевъ. Но тогда они располагали важнымъ средствомъ, дававшимъ имъ выходъ изъ тяжелаго положенія; этимъ выходомъ была эмиграція. Теперь этотъ выходъ невозможенъ, ибо дорога въ Америку затруднена, да и кромѣ того тѣ элементы, которые должны итти впереди эмигрирующей массы, стоятъ подъ ружьемъ. Мало того, вслѣдствіе нарушенія почтовыхъ сношеній и вслѣдствіе кризиса, захватившаго и Соединенные Штаты, прекратилось поступленіе въ черту осѣлости тѣхъ милліоновъ, которыми эмигранты поддерживали своихъ мало трудоспособныхъ родственниковъ. Отовсюду изъ черты осѣлости приходятъ извѣстія о бѣдствіяхъ, переживаемыхъ этими такъ называемыми „американцами“.

Единственное, что могло бы, повидимому, дать облегченіе еврейскому населенію,—это заказы военнаго вѣдомства, которое предъявляетъ усиленный спросъ какъ разъ на тѣ виды труда, портняжнй, сапожнй, которые распространены среди еврейскаго населенія. Но и работа на интендантство требуетъ наличности сырья и, слѣдовательно, болѣе или менѣе нормальнаго грузооборота, который чѣмъ ближе къ театру войны, тѣмъ болѣе затрудненъ. Въ связи съ этимъ интендантство почти ничего не можетъ сдѣлать для бѣдствующаго населенія Варшавы, которая вообще живетъ въ атмосферѣ слишкомъ тревожной, чтобы здѣсь

могла быть налажена интенсивная промышленная дѣятельность. Сравнительно скромное развитіе получила дѣятельность интендантства и въ Сѣверо-Западномъ краѣ, и почти вся огромная работа, на которую предъявило въ этотъ исключительный моментъ спросъ военное вѣдомство, выполняется въ предѣлахъ петроградскаго и московскаго промышленныхъ районовъ. Здѣсь на рабочемъ рынкѣ не только не чувствуется никакого угнетенія, наоборотъ, здѣсь чувствуется даже оживленіе, ибо мѣстная промышленность, съ одной стороны, должна удовлетворить необычайнымъ требованіямъ военнаго вѣдомства и, съ другой стороны, должна еще покрыть тѣ дефициты въ предложеніи товаровъ, которые вызваны временной ликвидаціей промышленности Царства Польскаго. Россія всеобщаго бѣдствія, всеобщей безработицы не переживаетъ,—слишкомъ необъятны пространства ея, слишкомъ неисчислимы таящіяся въ ней возможности, чтобы даже мировая война могла ее разорить.

Успѣхъ на полѣ брани зависитъ отъ духа армии, отъ искусства полководцевъ, отъ качества снаряженія; но все же не послѣднюю роль играетъ и экономическое положеніе страны. Мы сказали уже, что Россія обладаетъ полной возможностью преодолѣть тотъ кризисъ, который задѣлъ населеніе части страны, необходимо только облегчить этому населенію передвиженіе по странѣ, и пострадавшіе найдутъ въ ней работу.

Мы видимъ, что городскіе бѣженцы, кромѣ евреевъ, въ большомъ количествѣ направляются во внутреннюю Россію, и тамъ такъ или иначе устраиваются. Варшавскій обывательскій комитетъ, усматривая въ этомъ дѣйствительное средство для облегченія нужды, выдаетъ безплатно билеты на переѣздъ въ глубь страны и притомъ на этотъ разъ, дѣйствительно, безъ различія вѣроисповѣданія и національности. Ему удалось такимъ путемъ экспедировать значительныя партіи безработныхъ горнорабочихъ въ Донецкій бассейнъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ настоящее время очень многіе евреи также могли бы пристроиться во внутреннихъ губерніяхъ, ибо интендантство, какъ мы указали, предъявляетъ усиленный спросъ какъ разъ на тѣ отрасли труда, которыя сильно представлены среди евреевъ. Изъ многихъ городовъ внутренней Россіи поступаютъ предложенія въ Еврейскій Комитетъ помощи жертвамъ войны о готовности пристроить значительное число ремесленниковъ. Да и вообще среди бѣженцевъ-евреевъ имѣются такіе элементы, которые въ соотвѣтствующихъ промышленныхъ центрахъ могли бы оказаться весьма цѣнными работниками-специалистами. Я укажу на лодзинскихъ ткачей, на бжезинскихъ портныхъ, на ченстоховскихъ работниковъ игрушекъ, на калишскихъ вышивальщиковъ и т. д. Но всѣ эти трудящіеся элементы, которые въ опредѣленныхъ условіяхъ могли бы съ успѣхомъ прокормиться, теперь ложатся бременемъ

немъ на благотворительность, ибо всѣ ограничительные законы о евреяхъ со всѣми ихъ расширительными толкованіями признано необходимымъ сохранить въ полной силѣ и въ настоящій исключительный моментъ. Попрежнему происходятъ высылки въ черту осѣдлости, попрежнему производятся такъ называемыя „облавы“ на евреевъ, какъ будто у администраціи нѣтъ болѣе важныхъ заботъ въ этотъ моментъ, когда лучшія силы страны стоятъ на полѣ брани. Еще вчера въ моихъ рукахъ былъ обычный документъ — проходное свидѣтельство рабочаго электротехника изъ Петрограда въ Здунскую Волю. Необходимо замѣтить, что, согласно законамъ 1865 и 1904 гг., еврей-ремесленники имѣютъ право повсемѣстнаго жительства. При всемъ томъ нельзя отрицать того, что указанный документъ составленъ, какъ администрація теперь выражается, „на точномъ основаніи закона“. Правда, свидѣтельство лодзинскаго ремесленнаго училища доказываетъ, что данное лицо знаетъ свою специальность, а свидѣтельство петроградской фабрики подтверждаетъ, что оно занимается этой специальностью, но оба эти свидѣтельства не имѣютъ здѣсь никакаго значенія, ибо законъ требуетъ свидѣтельства ремесленной управы изъ черты осѣдлости, а его-то у этого работника нѣтъ да, какъ мы увидимъ, и не можетъ быть. Точно такъ же и „на точномъ основаніи“ закона этотъ работникъ высылается на мѣсто своей приписки, въ Здунскую Волю, ибо временное занятіе нѣмцами части территоріи Россійской имперіи въ законахъ не предусмотрено и, согласно принятому рѣшенію, на дѣйствія администраціи никакого вліянія оказать не можетъ.

Въ официальныхъ документахъ говорится, что настоящая война ведется „всѣми народностями Россіи въ единеніи“. Дѣйствительно, евреи свою долю жертвъ несутъ въ этой войнѣ. Еще недавно мы прочитали, что единственно отъ евреевъ можно зачислять въ ряды арміи и перволюботныхъ. Кромѣ того, судьбѣ было угодно, чтобы военныя бѣдствія всей своей тяжестью легли, на-ряду съ мирнымъ польскимъ населеніемъ, на мирное еврейское население. Казалось бы, что въ этотъ моментъ, исключительно трагическій, евреи могли бы рассчитывать, что всѣ сообща будутъ нести и бѣдствія, вызванныя войной. Евреи могли бы, кажется, надѣяться, чтобы имъ хоть въ этотъ моментъ не мѣшали искать хлѣба тамъ, гдѣ его они могутъ найти. Къ сожалѣнію, надежда эта не оправдалась.

Правда, представители столь многочисленнаго среди еврейскаго населенія класса ремесленниковъ какъ будто располагаютъ, согласно закону 1865 г., правомъ временнаго жительства внѣ черты еврейской осѣдлости. Закономъ 1904 г., редактированнымъ еще шире, имъ было разрѣшено и жительство въ сельскихъ мѣстностяхъ. Однако, давно уже практика сумѣла свести значеніе этихъ законовъ къ минимуму строгими

требованиями исполненія цѣлаго ряда формальностей. Для того чтобы поселиться внѣ черты осѣдлости, еврей-ремесленникъ долженъ представить свидѣтельство отъ ремесленной управы въ чертѣ осѣдлости о знаніи своего ремесла. Вотъ первое изъ многочисленныхъ затрудненій, которыя встрѣчаетъ еврей-ремесленникъ при переселеніи во внутреннія губерніи. Плеве позаботился о томъ, чтобы сдѣлать это затрудненіе почти непреодолимымъ, онъ закрылъ почти всѣ ремесленныя управы въ чертѣ осѣдлости. Насколько удачно правительству удалось свести на-нѣтъ значеніе закона 1865 г., можно судить по тому, что за полстолѣтія его дѣйствія за черту осѣдлости сумѣло перебраться меньше ремесленниковъ, чѣмъ ихъ переѣзжало за одинъ годъ черезъ океанъ въ Соединенные Штаты.

Впрочемъ, рѣчь въ настоящее время не можетъ, конечно, идти только о смягченіи тѣхъ формальностей, которыя еврейскому ремесленному люду препятствуютъ искать работы во внутреннихъ губерніяхъ. Еврейская мелкая промышленность развила теперь значительное раздѣленіе труда между рабочими и подъ законъ 1865 г., имѣющій въ виду типичное ремесло стараго времени, эти работники очень часто не дойдутъ. Кромѣ того, законы 1865 г. и 1904 г. достаточно показали безплодность частичныхъ мѣръ. Если російскому подданному надо основывать свое „право жительства“ въ предѣлахъ страны, передъ которой онъ исполняетъ свои гражданскія обязанности, какъ особую привилегію, то такое положеніе чревато всевозможными злоупотребленіями. Въ рѣдкихъ случаяхъ на изъятія идетъ даже и правительство: когда одна шорная фирма оказалась не въ состояніи выполнить заказа для интендантства, то ей было разрѣшено привезти въ Москву евреевъ-шорниковъ. Однако такими случайными льготами положенія еврейской массы не поправить. Ей можно помочь лишь временной приостановкой дѣйствія ограничительныхъ законовъ о правѣ жительства евреевъ, которое сдѣлало бы возможнымъ для всѣхъ слоевъ еврейскаго населенія свободное передвиженіе по странѣ.

Несомнѣнно, что такая, хотя бы и временная, льгота можетъ создать нѣкоторыя бреши въ дѣйствующихъ нормахъ о жительствахъ евреевъ, которыя послѣ войны было бы не легко зачинить. Въ виду этого мы не можемъ здѣсь уклониться и отъ общаго обсужденія вопроса о чертѣ осѣдлости. Мы попытаемся здѣсь съ экономической точки зрѣнія уяснить себѣ хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, настолько ли благодѣтеленъ для Россіи законъ о чертѣ осѣдлости, что слѣдуетъ опасаться всякой бреши въ немъ, или, можетъ быть, для блага страны, особенно въ виду предстоящей ликвидаціи послѣдствій войны, необходимо поскорѣй отказаться отъ поддержки этого пережитка недоброй старины.

Какъ бы ни было искусственно сужено дѣйствіе законовъ 1865 г.

и 1904 г., во всякомъ случаѣ изданіе ихъ свидѣтельствуеъ о томъ, что мысль о безвредности еврейскаго ремесленнаго и, вообще, рабочаго класса правящимъ сферамъ не чужда, что опасенія существуютъ преимущественно по отношенію къ еврейскому торгово-промышленному люду. Мы поэтому и остановимся на освѣщеніи его экономической роли.

Послѣ ликвидаціи войны передъ государствомъ предстанетъ вопросъ, какъ эмапсипировать себя отъ экономической зависимости отъ западныхъ сосѣдей. Задача эта можетъ быть рѣшена не механически, а единственно путемъ органическаго роста страны.

Для этого прежде всего слѣдуетъ устранить преграды экономическому общенію различныхъ частей ея. Но можно ли признать нормальнымъ съ этой точки зрѣнія, что передъ многочисленнымъ и весьма дѣятельнымъ торгово-промышленнымъ классомъ Западной Россіи закрытъ доступъ во внутреннюю Россію, и въ особенности въ Москву, и въ то же время передъ ними гостеприимно открыты двери Берлина и Вѣны? Не значить ли это оставить незавершоннымъ дѣло окончательнаго объединенія Западной Россіи съ Имперіей, съ политической стороны выполненное еще слишкомъ сто лѣтъ назадъ?

Для достиженія указанной цѣли, впрочемъ, было бы достаточно допустить широко временный пріѣздъ евреевъ во внутреннія губерніи. Но можно ли помириться съ расселеніемъ еврейскаго торговаго класса на постоянное жительство внѣ черты осѣдлости, не окажется ли это пагубнымъ для русской торговли? Подобныя опасенія могутъ навести на мысль, что русская торговля представляетъ верхъ совершенства, что она творить эльдорадо для населенія, и потому еврейская конкуренція можетъ только разстроить это счастливое бытіе. Къ сожалѣнію, дѣйствительность отъ этого очень далека. Я сошлюсь въ доказательство на изслѣдованіе г. Г. М. Бикермана о роли евреевъ въ экономической жизни и въ частности въ торговлѣ хлѣбомъ.

Хлѣбная торговля Россіи подвергалась многократно обслѣдованію, въ частности и Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ. Что же обслѣдованія показали? Оказалось, что въ сѣверной и восточной Россіи, куда еврейскій скупщикъ хлѣба не можетъ проникнуть, производитель, помѣщикъ ли, крестьянинъ ли, страдаетъ отъ монолистическихъ тенденцій въ хлѣбной торговлѣ. Ничтожныя группы деревенскихъ кулаковъ или крупныхъ торговцевъ являются полными хозяевами на мѣстныхъ рынкахъ, и по общему сговору они устанавливають цѣны безъ всякаго отношенія къ цѣнамъ, стоящимъ на крупныхъ потребительныхъ или экспортныхъ рынкахъ. Въ Западномъ краѣ, наоборотъ, торговля раздроблена, о монополи скупщика не можетъ быть рѣчи, мѣстныя цѣны устанавливаются въ соотвѣтствіи съ цѣнами на крупныхъ потребительныхъ и экспортныхъ рынкахъ. Еврейскій посредникъ наживается не на

высокомъ процентѣ прибыли отъ отдѣльной сдѣлки, а на быстромъ оборотѣ своего весьма скромнаго капитала.

Несмотря на всѣ препоны и препятствія еврейскій посредникъ утвердилъ свое влияние и во всемъ центральномъ черноземномъ районѣ. Какими же были результаты этого событія? Ихъ изслѣдователи резюмировали въ выраженіи—демократизація торговли. Состояніе торговли до появленія еврейскихъ скупщиковъ въ центральной черноземной полосѣ можно резюмировать слѣдующими словами Чаславскаго: „При слабомъ развитіи торговли, при недостаткѣ и очень ограниченномъ числѣ купцовъ, на каждомъ изъ рынковъ даже въ большихъ городахъ купцы... держали торговлю совершенно въ своихъ рукахъ, безапелляціонно назначали цѣну, раздавали крестьянамъ, а иногда и помѣщикамъ деньги впередъ“. Современная организація торговли черезъ еврейскихъ скупщиковъ имѣетъ свои недостатки, надъ устраненіемъ которыхъ надо поработать. Но одно несомнѣнно, что о безапелляціонномъ назначеніи ими цѣны производителю здѣсь не можетъ быть рѣчи, *конкуренція между ними весьма обострена*, и связь производителя черезъ нихъ съ центральными рынками установлена.

Русскій торговый капиталъ не отличается ни особенной подвижностью, ни скромностью своихъ требованій, ни большой приспособляемостью къ вновь складывающимся условіямъ. Мы это очень остро ощущаемъ въ данный моментъ, когда, несмотря на прекращеніе заграничнаго экспорта, всѣ жизненные припасы на центральныхъ потребительныхъ рынкахъ вздорожали. А при такихъ условіяхъ усиленія конкуренціи среди торговаго класса опасаться не приходится.

Перейдемъ къ вопросу о влияніи евреевъ на самое производство и возьмемъ для примѣра хотя бы рыбопромышленность. Районы русской рыбопромышленности разнообразны. Чрезвычайно богатые отъ природы сѣверные и озерные промысла совершенно изъяты изъ еврейскаго влияния. Однако это нисколько не обезпечило имъ процвѣтанія. Мурманскіе промыслы, имѣющіе такую старую исторію, находятся въ жалкомъ состояніи, а формы эксплуатаціи труда тамъ самыя тяжелыя. Наоборотъ, въ расцвѣтѣ находятся астраханскіе промыслы, на которыхъ еврейское влияние всего ощутительнѣе. Это евреи обратили тамъ впервые вниманіе на использованія такъ называемой частичковой рыбы, которая раньше совершенно выбрасывалась, а теперь даетъ главный доходъ рыбопромышленникамъ; это евреи нашли рынки для этой рыбы и измѣнили всю технику заготовленія рыбы въ связи съ потребностями рынка. Администрація, въ своемъ рвеніи къ уничтоженію еврейскаго засилья, многократно порывалась выселить еврейскихъ купцовъ, приказчиковъ, надсмотрщиковъ, рабочихъ, но уступала энергичнымъ протестамъ мѣстнаго биржевого комитета и рыбопромышленниковъ. И только нѣкото-

рымъ попустительствомъ администраціи астраханскіе промыслы процвѣли. Подобныхъ примѣровъ можно немало указать изъ экономической жизни Россіи.

Россія велика и обильна, неисчислимы ея лежащая втунѣ естественныя богатства, и при всемъ томъ массы населенія во многихъ районахъ великой страны живутъ въ страшной скудости и даже періодически поражаются голодовками. При такихъ условіяхъ какая задача, послѣ окончанія войны, можетъ быть важнѣе развитія производительныхъ силъ страны? Извѣстный экономистъ Зомбартъ, изслѣдуя исторію происхожденія европейскаго капитализма, нашелъ, что роль евреевъ въ экономическомъ прогрессѣ Западной Европы и Новаго Свѣта чрезвычайно велика. Онъ не представляетъ себѣ даже самой возможности возникновенія капитализма безъ евреевъ. Я не сторонникъ историко-соціологическихъ воззрѣній Зомбарта, я нахожу, что онъ преувеличиваетъ значеніе расоваго момента въ экономической жизни. Но, конечно, крупное значеніе евреевъ въ экономическомъ прогрессѣ Европы имъ безповоротно доказано огромнымъ фактическимъ матеріаломъ. Если такъ велико значеніе евреевъ въ экономической жизни народовъ, обладающихъ старыми навыками и традиціями сложной торгово-промышленной дѣятельности, то неужели еврей менѣе цѣненъ для молодой страны, въ которой такіе навыки и традиціи еще совсѣмъ почти не созданы? Такъ могутъ думать только круги, далекие отъ пониманія экономическихъ нуждъ страны. Характерно, что русскій торгово-промышленный классъ не идетъ въ еврейскомъ вопросѣ за бюрократіей, онъ неоднократно высказывался противъ преслѣдованія евреевъ. Классъ этотъ не боится еврейской конкуренціи; онъ сознаетъ, что возможности Россіи велики, что всякая инициатива на экономическомъ поприщѣ желательна, что она открываетъ новые горизонты и для всего населенія, и прежде всего для торгово-промышленнаго класса страны.

Въ своемъ краткомъ докладѣ я не могу исчерпать широкой темы о значеніи евреевъ въ экономической жизни Россіи. Я долженъ ограничиться этими общими контурами вопроса.

Въ заключеніе я долженъ подчеркнуть, что я, въ согласіи съ господствующими среди еврейской интеллигенціи воззрѣніями, для оправданія еврейскаго равноправія не считаю экономическаго обоснованія необходимымъ и, если я остановился на экономическихъ аргументахъ, то лишь потому, что ихъ чаще всего выдвигаютъ противники евреевъ. Я признаю еврейское равноправіе вытекающимъ изъ правосознанія культурнаго человѣчества. Нельзя лишать людей правъ состоянія безъ преступленія и безъ суда. Въ настоящій моментъ, когда сотни тысячъ евреевъ стоятъ подъ русскими знаменами, это чувствуютъ широкіе слои русскаго общества. Когда только что выписавшагося изъ лазарета инвалида

отправляют съ проходнымъ свидѣтельствомъ въ черту осѣдлости, когда мать, приѣхавшая провѣдать своего раненаго сына, вынуждена ночевать на улицѣ, когда устраиваются „облавы“ на бѣженцевъ отъ военной грозы, то даже твердо-каменные сердца черносотенцевъ чувствуютъ, что творится неправда. Для людей, болѣе культурныхъ и чуткихъ, эти чрезвычайныя обстоятельства, конечно, не нужны для воспріятія элементарной идеи юридическаго равноправія гражданъ. Въ правовомъ государствѣ, гдѣ существуютъ не обыватели, а граждане, безправіе миллионовъ людей не должно имѣть мѣста.

Б. Бруцнусъ.

Л. Н. Толстой послѣ Севастополя.

Чего я хочу?—Познать себя въ отноше-
ніи къ естественному порядку вещей
и покориться ему.

Эпистема.

21 ноября 1855 г. Толстой прибылъ въ Петербургъ изъ-подъ Севастополя, съ тѣмъ, чтобы болѣе не возвращаться въ армію; 23 сентября 1862 г. онъ женился. Въ исторіи его художественнаго творчества эти семь лѣтъ составляютъ особый отдѣлъ. Не то, чтобы его творчество съ началомъ этого періода вступило на новый путь, а съ концомъ снова измѣнило свое направленіе; напротивъ, никакихъ рѣзкихъ отличій этотъ отдѣлъ не представляетъ ни по сравненію съ предшествующимъ ему, ни по сравненію съ непосредственно за нимъ слѣдующимъ. Особенность произведеній, написанныхъ Толстымъ въ 1855—1862 годахъ, тоньше: то самое созерцаніе міра и тѣ самыя мысли о жизни, которыя онъ еще неувѣренно, все больше уясняя себѣ, выражалъ въ своихъ первыхъ произведеніяхъ („Дѣтствѣ и отрочествѣ“ и др.), теперь крѣпнущъ и становятся въ немъ вполне сознательными, и по мѣрѣ того, какъ онъ, вращаясь въ литературномъ кружкѣ *Современника*, все больше проникается сознаниемъ своего писательскаго призванія, онъ все убѣжденнѣе отождествляетъ это свое призваніе съ проповѣдью тѣхъ своихъ идей. Къ концу этого періода, т.-е. ко времени его женитьбы, по существу завершается первый фазисъ его развитія, начавшійся, по его словамъ, на Кавказѣ, въ 1851 году; какая-то большая часть доступной ему истины, постепенно раскрываясь, въ этомъ періодѣ открылась ему вся, до ясности, казавшейся ему временами окончательной. Такимъ образомъ, одиннадцать повѣстей и рассказовъ, написанныхъ между Севастополемъ и женитьбою, представляютъ большія удобства для изученія *первой* мысли Толстого (если считать, что съ конца 70-хъ годовъ она смѣнилась второю); въ раннихъ писаніяхъ она зарождается, въ „Войнѣ и мирѣ“, готовая, разворачивается вширь, и только здѣсь, въ средней стадіи, т.-е. въ этихъ одиннадцати повѣстяхъ, мы можемъ наблюдать ее и еще дина-

мичною, и уже созрѣвающею. Это придаетъ лучшимъ изъ нихъ, напримѣръ, „Казакамъ“, какую-то особенную свѣжесть, стремительность и полнозвучность.

I.

Много разъ указывалось на то, что въ лицѣ Оленина Толстой отчасти изобразилъ самого себя. Это сходство не подлежитъ сомнѣнью; особенно ихъ сближаетъ одна общая черта. Оленинъ, какъ и Толстой, много размышляетъ о своей жизни, пытается разсудочно опредѣлить свой надлежащій путь,—то пересматриваетъ свое прошлое и рѣшаетъ, что все это было „не то“, то теоретически опредѣляетъ, какъ ему должно перестроить свою жизнь. Оба они похожи на разборчивую невѣсту или на человѣка, который, владѣя извѣстной суммою денегъ, безъ конца соображаетъ, на что бы ему лучше употребить этотъ капиталъ: и то дѣло прибыльно, и это недурно, да все какъ-то страшно,—а ну, какъ представится еще болѣе выгодное! Толстой пишетъ объ Оленинѣ: „Онъ раздумывалъ надъ тѣмъ, куда положить всю эту силу молодости, только разъ въ жизни бывающую въ человѣкѣ: на искусство ли, на науку ли, на любовь ли къ женщинѣ,—или на практическую дѣятельность, на силу ума, сердца, образованія,—тотъ не повторяющійся порывъ, ту на одинъ разъ данную человѣку власть сдѣлать изъ себя все, что онъ хочетъ, и, какъ ему кажется, и изъ всего міра—все, что ему хочется. Правда, бываютъ люди, лишенные этого порыва, которые сразу, входя въ жизнь, надѣваются на себя первый попавшійся хомутъ и честно работаютъ въ немъ до конца жизни. Но Оленинъ слишкомъ сильно сознавалъ въ себѣ присутствіе этого всемогущаго бога молодости, эту способность превратиться въ одно желаніе, въ одну мысль,—способность захотѣть и сдѣлать, броситься головой внизъ въ бездонную пропасть, не зная за что, не зная зачѣмъ“. Оленинъ не догадывается, что, кромѣ этихъ двухъ путей—случайно надѣтаго хомута и разсудочнаго самоопредѣленія,—есть третій, единственно правильный путь—органическаго самоопредѣленія, когда человѣкъ, ничего не предрѣшая, на каждомъ шагу слѣдуетъ своему непреложному внутреннему голосу и такъ, простымъ отборомъ житейскихъ возможностей, дѣйствительно изнутри созидаетъ свою внѣшнюю жизнь. Оленинъ умствуешь, старается рѣшить для себя вопросъ *въ цѣломъ*; оттого всѣ его рѣшенія призрачны и неизмѣнно приводятъ его къ разочарованіямъ. Онъ ѣдетъ на Кавказъ съ тѣмъ, чтобы начать новую жизнь,—и на Кавказѣ остается по существу, разумѣется, тѣмъ же, чѣмъ былъ въ Москвѣ; его озаряетъ мысль, что счастье въ томъ, чтобы жить для другихъ, и онъ спѣшитъ вернуться изъ лѣса домой, чтобы поскорѣе сдѣлать кому-нибудь добро,—а до добра ему и теперь такъ же мало дѣла, какъ раньше. Толстой не безъ ироніи повѣствуетъ объ этихъ озареніяхъ и поворо-

тахъ Оленина; между тѣмъ онъ и самъ былъ таковъ, и не только въ 1851—52 гг., на Кавказѣ, но и много позднѣе,—почти во весь занимающій насъ періодъ. Онъ не только поѣхалъ на Кавказъ съ тою же разсудочной мыслью объ обновленіи, какъ Оленинъ; но вотъ какимъ изображаетъ его еще подъ 1857 годомъ гр. А. А. Толстая: „Онъ постоянно стремился начать жизнь съизнова и, откинувъ прошлое, какъ изношенное платье, облечься въ чистую хламиду. Съ какою наивностью мы оба вѣрили тогда въ возможность сдѣлаться въ одинъ день другимъ человѣкомъ—преобразиться совершенно, съ ногъ до головы, по мановенію своего желанія. Хотя это было даже несообразно съ нашими, уже не совсѣмъ юными годами, но мы поддавались самообману съ полнымъ убѣжденіемъ“... А самъ онъ еще позже, въ 1858 г., констатировалъ въ себѣ тотъ же оленинскій самообманъ—воскресшую надежду на то, что вмѣстѣ съ наступившей весною и его душа, можетъ быть, обновится. „По этому случаю къ этому времени идетъ такая внутренняя переборка, очищеніе и порядокъ, какой никто, не испытавшій этого чувства, не можетъ себѣ представить. Все старое прочь, всѣ условія свѣта, всю лѣнь, весь эгоизмъ, всѣ пороки, всѣ залутанныя, неясныя привязанности, всѣ сожалѣнья, даже раскаянье,—все прочь! Дайте мѣсто необыкновенному цвѣтку, который надуваетъ почки и вырастетъ вмѣстѣ съ весной!“—и тутъ же прибавляетъ: „Грустно вспомнить, сколько разъ я тщетно дѣлывалъ то же самое, какъ кухарка по субботамъ,—а все радуюсь своему обману, и иногда серьезно вѣрю въ новый цвѣтъ и жду его“.

Эта черта—не внѣшняя, какъ могло бы казаться; она, какъ глубоко идущая щель, позволяетъ намъ заглянуть въ психику Толстого. Странное дѣло: онъ столько разъ терпѣлъ неудачи въ своихъ попыткахъ обновленія, и всетаки, наперекоръ опыту, почти противъ воли, онъ какъ-то внутренне убѣжденъ, что стоитъ человѣку хорошенько понять и крѣпко захотѣть—онъ можетъ сознаниемъ принудить свою душу къ обновленію. Казалось бы, и свой, и чужой опытъ давно должны были доказать ему, что разсудокъ въ этомъ дѣлѣ почти безсиленъ; ему было уже 30 лѣтъ; какъ зрѣлый человѣкъ и особенно какъ художникъ, онъ не могъ не знать, насколько чудовищно-косны врожденный складъ и навыки воли: мыслью ли преодолѣваются они? И всетаки онъ не можетъ не вѣрить въ реальную силу мысли надъ волею. Художественно—мы увидимъ это дальше—онъ и сейчасъ изображаетъ человѣческую жизнь, какъ стихійный молекулярно-волевой процессъ, но лишь только онъ пробуетъ отдать себѣ отчетъ въ совершающемся, его разумъ съ какою-то яростью возстаетъ противъ очевидности. Такъ его сознание раздваивается: онъ ясно видитъ, что естественный законъ душевной жизни—детерминизмъ, и однако онъ не въ силахъ подавить въ себѣ противоположную увѣренность, что разумъ можетъ приобрѣсти власть надъ

душою. И эта противоположная увѣренность, вопреки опыту, настолько крѣпка въ немъ, что ея никакъ невозможно признать простымъ капризомъ ума; нѣтъ: очевидно, и она есть въ немъ нѣкое знаніе о сущемъ; очевидно, и она опирается на какой-то тонкій его душевный опытъ, открывшій ему какую-то смутную правду о природѣ и силѣ мысли.

Какъ бы то ни было, двойственность эта не подлежитъ сомнѣнію. Сейчасъ Толстой исповѣдуетъ свой догматъ о преобразовательной силѣ мысли только въ примѣненіи къ индивидуальной душѣ и личной судьбѣ человѣка; во вторую половину своей дѣятельности онъ этотъ же догматъ положить въ основание своей общественной проповѣди и будетъ неустанно твердить, что какъ только люди поймутъ такую-то идею и твердо рѣшатъ ей слѣдовать, такъ немедленно обновится общественный организмъ и всѣ его недуги исчезнутъ. Въ такомъ примѣненіи этотъ догматъ будетъ казаться еще болѣе ребяческимъ, потому что кто же не знаетъ, какъ много истины уже проповѣдано людямъ на протяжении времени и какъ мало эта истина влияла на историческую жизнь? Но не надо судить поспѣшно. Художники такого размѣра, какъ Толстой или Гоголь, видятъ зорче насъ, хотя далеко не всегда способны рассказать все, что видѣли. Достоевскій сказалъ: „Можно многое знать безсознательно“. Толстой за всѣ свои долгіе годы не сумѣлъ доказать своего догмата,—онъ только во всѣхъ своихъ тридцати томахъ упорно утверждалъ его. Не свидѣтельствуешь ли онъ намъ объ истинѣ, которую онъ узналъ на опытѣ, но которая еще не можетъ быть выражена не только въ грубыхъ логическихъ терминахъ, но даже въ гораздо болѣе тонкихъ художественныхъ образахъ?

II.

Много разъ и въ повѣстяхъ, и въ письмахъ своихъ за этотъ періодъ Толстой высказываетъ мысль, что здорова и прекрасна человѣческая жизнь можетъ быть только тогда, когда она протекаетъ—не то, что въ согласіи съ природой,—надо больше сказать: въ самыхъ нѣдрахъ природы, въ совершенномъ сляніи съ нею. Оленина научилъ этому Кавказъ; онъ увидалъ здѣсь людей, живущихъ такъ, какъ живетъ природа; „никакихъ условій, исключая тѣхъ неизмѣнныхъ, которыя положила природа солнцу, травѣ, звѣрю, дереву. Другихъ законовъ у нихъ нѣтъ... И оттого люди эти, въ сравненіи съ нимъ самимъ, казались ему прекрасны, сильны, свободны, и, глядя на нихъ, ему становилось стыдно и грустно за себя“. Такова несомнѣнно была мысль самого Толстого, вѣрнѣе, одинъ рядъ его мыслей. И онъ, весной 1858 г., глядя, какъ все кругомъ распускается, мечтаетъ о томъ, чтобы и самому расцвѣсти и отнынѣ „просто, спокойно и радостно расти на свѣтѣ Божьемъ“ (11-е письмо

къ гр. А. А. Толстой). И развѣ не онъ въ эти годы совершенно по-оленински возводитъ въ перлъ созданія естественность въ человѣкѣ? Для него нормальны и прекрасны—все первобытное, стихійное, и прежде всего—отсутствіе рефлексіи; прекрасны Ерощка, Лукашка и Марьяна, прекрасенъ Турбинъ-отецъ въ „Двухъ гусарахъ“, прекрасно умираетъ дерево и почти такъ же прекрасно умираетъ мужикъ, еще мало выдѣлившійся изъ природы; прекрасенъ даже Полкушка. За чѣмъ же стало дѣло? Ежели и счастье, и красота—въ естественномъ, то откинь отъ себя культуру—

И ринься, бодрый, самовластный,
Въ сей животворный океанъ.

Толстой тогда, въ концѣ 50-хъ годовъ, любилъ веснами твердить про себя эти строки Тютчева.

Но это опять—мысль, умственное рѣшеніе: отбросить то-то, повернуть свою жизнь на такой-то путь. Своя душа—не пѣшка, которую можно по желанію передвинуть. Это она сама влечется къ естественности, но въ ней же есть сила, противодѣйствующая этому влеченію, и эта сила—сознаніе.

Чрезвычайно показательна та глава „Казаковъ“, гдѣ описывается сляніе Оленина съ природою (онъ лежитъ одинъ въ лѣсу). Сляніе это совершается отчасти эмоционально: Оленинъ „ни о чемъ не думалъ, ничего не желалъ. И вдругъ на него нашло такое странное чувство безпричиннаго счастья и любви ко всему...“ и т. д.: отчасти же, и притомъ немедленно, оно регистрируется сознаніемъ: Оленинъ принимается размышлять о томъ, что каждый изъ этихъ жужжащихъ кругомъ комаровъ—такой же особенный отъ всѣхъ Дмитрій Оленинъ, и что, стало быть, и онъ, Оленинъ, вовсе не русскій дворянинъ, другъ такого-то и родня такого-то, а просто такой же комаръ, или фазанъ, или олень, какъ тѣ, что живутъ въ этомъ лѣсу, и такъ же, какъ они, поживетъ и потомъ умретъ. Такъ сознаніе, или самосознаніе, заговорило въ Оленинѣ въ первую же минуту блаженнаго погруженія въ природу, и, заговоривъ для того, чтобы констатировать это погруженіе, оно, разумѣется, на этомъ не умолкнетъ. Минуту спустя Оленинъ уже весь во власти своихъ мыслей: „какъ надо жить, чтобы быть счастливымъ, и отчего я не былъ счастливъ прежде?“ Только мигъ одинъ длилось неполное сляніе, и вотъ уже онъ опять безнадежно вырванъ своею мыслью изъ природнаго строя. Видно, назадъ нѣтъ путей. Ерощка и Лукашка просто живутъ въ природѣ, какъ рыба въ водѣ, а въ головѣ Оленина есть мысль, самосознаніе, точно пузырь съ воздухомъ, и вода тотчасъ выталкиваетъ его вонъ.

Въ эти же самые годы, именно въ 1857 году, другой большой художникъ рассказалъ о *своей* встрѣчѣ съ природою; я разумѣю „Поѣздку

въ Полѣсье“ Тургенсва. Онъ жилъ еще болѣе чуждымъ ей, чѣмъ Оленинъ до Кавказа, и встрѣтился съ нею, такъ же, какъ Оленинъ, въ лѣсу. Но какая разпица! Тургеневъ ни на мгновенье не сливается со стихіей въ радостномъ чувствѣ. Грозный ликъ естества, представшій ему въ видѣ дремучаго бора, повергаетъ его въ ужасъ и отчаяніе. Онъ говоритъ: „Трудно человѣку, существу одинаго дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному смерти, трудно ему выносить холодный, безучастно устремленный на него взглядъ вѣчной Изиды; не однѣ дерзостныя надежды и мечтанья молодости смиряются и гаснутъ въ немъ, охваченныя ледянымъ дыханіемъ стихіи; нѣтъ—вся душа его никнетъ и замираетъ; и чувствуетъ, что послѣдній изъ его братій можетъ исчезнуть съ лица земли—и ни одна игла не дрогнетъ на этихъ вѣтвяхъ; онъ чувствуетъ свое одиночество, свою слабость, свою случайность—и съ торопливымъ, тайнымъ испугомъ обращается онъ къ мелкимъ заботамъ и трудамъ жизни; ему легче въ этомъ мірѣ, имъ самимъ созданномъ, здѣсь онъ дома, здѣсь онъ смѣетъ еще вѣрить въ свое значеніе и въ свою силу“.

Здѣсь разрывъ безнадеженъ; и какая печальная трусость, какое жалкое убѣжище—четыре стѣны и крыша, чтобы только не видѣть Божія міра, какъ будто можно спрятаться отъ него! Совѣзмъ не таковъ Оленинъ-Толстой. У Тургенева при встрѣчѣ съ природою „вся душа никнетъ и замираетъ“, въ Оленинѣ стержень личности остается цѣль. Оленинъ тотчасъ говоритъ себѣ: „Все равно, что бы я ни былъ: такой же звѣрь, какъ и всѣ, и т. д.,—все-таки надо жить наилучшимъ образомъ. Какъ же надо жить?“ и т. д.; т.-е. его „я“ и предъ лицомъ природы сохраняетъ свою самостоятельность.

Именно въ этомъ существенное различіе между Тургеневымъ и Оленинымъ-Толстымъ. Не важно, чѣмъ занята сейчасъ эта самобытная сила личности въ Оленинѣ; пусть она сейчасъ еще забавляется дѣтскими погрешками—мозговою игрой, отыскиваніемъ новаго „рецепта счастья“ (надо жить для другихъ); важно то, что она сильна, не сломлена, не никнетъ. А вѣдь она—оттуда же, откуда и все другое, она сама—природа; и оттого разрывъ не безнадеженъ: когда изъ нѣдръ природы донесется волна именно въ эту душу, душа пошлетъ ей навстрѣчу родственную волну. Это и сказала Толстой „Казаками“. Въ любви къ Марьянѣ впервые ожила спавшая и грезившая дотолѣ душа Оленина. Эта любовь, какъ губкою съ доски, стерла всѣ его головныя убѣжденія, добытыя съ такимъ трудомъ, все его „одностороннее, холодное, умственное настроеніе“: „приида красота и въ прахъ разсѣяла всю египетскую жизненную внутреннюю работу“; и тутъ-то Оленинъ нечаянно обрѣлъ то самое счастье внутренней цѣльности и единства съ природою, которому онъ такъ завидовалъ въ Ерошкѣ и Лукашкѣ и которое до сихъ

портъ все силился выстроить себѣ мыслью. „Любя ее,—пишетъ онъ въ письмѣ,—я чувствую себя нераздѣльною частью всего счастливаго Божьяго міра“; и еще: „Я живу (теперь) не самъ по себѣ, но есть что-то сильнѣе меня, руководящее мною“.

Отнынѣ Оленинъ—новый человѣкъ, или, по мысли Толстого,—впервые настоящій человѣкъ: *въ немъ зазвучалъ его внутренний непреложный голосъ*. Отнынѣ онъ больше не будетъ тѣшиться праздными мыслями и мечтами: онъ будетъ подлинно жить, совсѣмъ по-иному, нежели Лукашка, но не менѣе существенно; уѣзжая изъ столицы, Оленинъ „уже не считался, какъ тогда (т.-е. какъ при выѣздѣ изъ Москвы), самъ съ собою и не говорилъ себѣ, что все, что онъ думалъ и дѣлалъ здѣсь, было *не то*. Онъ уже не общалъ себѣ новой жизни“.

Біографъ Толстого пишетъ, что Толстой оставилъ „Казаковъ“ незаконченными и не продолжалъ ихъ—вслѣдствіе неприятнаго воспоминанія, связаннаго съ ихъ напечатаньемъ (онъ ихъ отдалъ въ печать ради уплаты биллиарднаго долга). Конечно, причиною было не это. Въ 1862 г. Толстой не могъ бы продолжать „Казаковъ“. Оленинъ, какимъ онъ вышелъ изъ огненнаго испытанія своей любви, долженъ былъ отнынѣ жить съ такой существенною и цѣльностью, какихъ еще далеко не было въ самомъ Толстомъ. Толстой и въ самой повѣсти, именно въ ея заключительной части, изложенной сейчасъ, такъ сказать, опередилъ самого себя; онъ изобразилъ рожденіе въ Оленинѣ человѣка, когда въ немъ самомъ человѣкъ еще только пробивался на свѣтъ, и изобразилъ совершающимся вдругъ то, что въ душѣ дѣлается медленно и нескладно. Но въ одномъ можно ему повѣрить (мы ниже увидимъ доказательства): онъ уже твердо зналъ, что въ каждой душѣ звучитъ, не всякому слышнѣй въ себѣ, непреложный внутренний голосъ, который и есть—природа (или Богъ) въ человѣкѣ. Но чего требуетъ отъ человѣка этотъ внутренний голосъ? Это былъ трудный вопросъ, который Толстой рѣшить еще не скоро.

III.

Ежели бы кто-нибудь усомнился въ томъ, что Толстой въ концѣ 50-хъ годовъ былъ гораздо ближе къ Оленину лѣсной сцены, нежели къ Оленину послѣднихъ главъ, достаточно было бы указать ему на письма Толстого къ гр. А. А. Толстой. Оленинъ въ концѣ повѣсти уже не думаетъ, что все его прошлое было „не то“, уже не ждетъ отъ себя обновленія: Толстой, какъ мы видѣли, все еще, хотя уже почти противъ волн и съ весьма малой надеждою, силится по временамъ начать новую жизнь. Оленинъ послѣднихъ главъ уже не мечтаетъ ребячески о томъ, чтобы стать какъ Лукашка, т.-е. чтобы *внѣшне, эмпирически* слиться съ природою; онъ узналъ теперь, что есть высшее и единственно-подлин-

ное слияние съ природою, именно единство воли и разума, когда человекъ радостно слѣдуетъ своему внутреннему голосу, который и есть природа въ немъ; этому научила его любовь, которая была для него такой Архимедовой точкою, гдѣ личное сказалось ему какъ космическое. Толстой уже провидѣлъ эту высшую форму слиянія человека съ космосомъ,—оттого онъ и далъ такой оборотъ повѣствованію объ Оленинѣ,—по самъ еще не вошелъ въ нее. Онъ еще не умѣетъ чувствовать свою или чужую сознательную личность какъ вполне законную, т.-е. тоже—и даже наивысше—природную; нѣтъ, ему, какъ раньше Оленину, всетаки природою по-настоящему кажется больше всего внѣшне-природное—и въ первой линіи, значить, летаргическій сонъ сознанія.

Его письма къ гр. А. А. Толстой неопровержимо доказываютъ это. 1 мая 1857 г. послѣ особенно удачной прогулки (въ Савойѣ), онъ пишетъ: „Природа больше всего даетъ это высшее наслажденіе жизни—забвеніе своей несносной персоны. Не слышишь, какъ живешь, нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго, только одно настоящее какъ клубокъ плавно разматывается и исчезаетъ“. Еще яснѣе онъ выражается въ другомъ письмѣ, писанномъ ровно годъ спустя, въ маѣ 1858 года. Онъ рассказываетъ здѣсь о *своей* встрѣчѣ съ природою, представшею ему на этотъ разъ, точь-въ-точь какъ Тургеневу и Оленину, въ лѣсу. „Вчера,—пишетъ онъ,—я ѣздилъ въ лѣсъ, который я купилъ и рублю, и тамъ на берегахъ распустились листья и соловьи живутъ, и знать не хотятъ, что они теперь не казенные, а мои, и что ихъ срубятъ. Срубятъ,—а они опять вырастутъ, и знать никого не хотятъ. Не знаю, какъ передать это чувство,—совѣстно становится за свое человеческое достоинство и за произволь, которымъ такъ кичился,—произволь проводить воображаемыя черты, и не имѣть права измѣнить ни одной песчинки ни въ чемъ—даже въ себѣ самомъ. На все законы, которыхъ не понимаешь, а чувствуешь вездѣ эту узду, вездѣ—Онъ“. Это—почти тургеневское чувство: сознаніе, предъ лицомъ природы, чувствуетъ себя жалко-безсильнымъ, только Толстой не ужасается предъ этой истиной, а покорно пріемлетъ ее. „Онъ“ или природа—это желѣзный законъ необходимости, всеобъемлющій и всесильный, а измышленія человека—не что иное, какъ воображаемыя черты, черты, проводимыя по водѣ, тотчасъ исчезающія. Значить, любовь къ ближнему и любовь къ добру, жажда совершенствованія, исканіе правды и справедливости, вообще все человеческое „я“ съ его разумомъ и совѣстью—только мозговые призраки и самообманъ.

Но приведенными строками не кончается письмо; Толстому надо прибавить къ этой мысли еще другую, именно ту, что „воображаемыя черты“—не только не реальны, безсильны что-либо измѣнить въ человекѣ или внѣ его: онъ къ тому же еще и вредны, такъ какъ, ничего не достигая, онъ однако чудовищно искажаютъ внѣшній обликъ человека;

онѣ эстетически-уродливы. Толстой продолжаетъ: „Совершенно къ этому идетъ мое несогласіе съ вашимъ мнѣніемъ о моей штукѣ (рѣчь идетъ о „Трехъ смертяхъ“). Напрасно вы смотрите на нее съ христіанской точки зрѣнія. Моя мысль была: три существа умерли—барыня, мужикъ и дерево. Барыня жалка и гадка, потому что гнала всю жизнь и лжетъ передъ смертью. Христіанство, какъ она его понимаетъ, не рѣшаетъ для нея вопроса жизни и смерти. Зачѣмъ умирать, когда хочется жить? Въ обѣщанія будущаго христіанства она вѣрить воображаемъ и умомъ, а все существо ея становится на дыбы, и другого успокоенія (кромѣ ложно-христіанскаго) нѣту,—а мѣсто занято. Она гадка и жалка.—Мужикъ умираетъ спокойно, именно потому, что онъ не христіанинъ. Его религія другая, хотя онъ по обычаю и исполняетъ христіанскіе обряды; его религія—природа, съ которой онъ жилъ. Онъ самъ рубилъ деревья, сѣялъ рожь и косилъ ее, убивалъ барановъ, и рожался у него бараны, и дѣти рожались, и старики умирали, и онъ знаетъ твердо этотъ законъ, отъ котораго онъ никогда не отворачивался, какъ барыня, и прямо, просто смотрѣлъ ему въ глаза. „Une brute“, вы говорите, да чѣмъ же дурно une brute? Une brute есть счастье и красота, гармонія со всѣмъ міромъ, а не такой разладъ, какъ у барыни.—Дерево умираетъ спокойно, честно и красиво. Красиво—потому что не лжетъ, не ломается, не боится, не жалѣетъ.“—Вотъ что дѣлаютъ измышленія; а пользы отъ нихъ никакой. И, крѣпко прильпясь къ этой мысли одною половиною души, Толстой на протяжении шести лѣтъ, 1856 — 1862, пишетъ нѣсколько повѣстей, имѣющихъ цѣлью, какъ я уже сказалъ, показать красоту и гармоничность неискаженной природности въ человѣкѣ,—съ любовью рисуешь портреты Ерочки, Лукашки, Марьяны, Турбина-отца, мужика, Поликушки.

А въ то же самое время онъ другою половиною души любитъ и цѣнить въ себѣ и въ другихъ что-то специфически-человѣческое, по самому существу отличное отъ біологическихъ законовъ и силъ. Онъ прекрасно сознаетъ эту двойственность своихъ устремленій и констатируетъ ее въ томъ же письмѣ. Восхваленіе „d'une brute“ должно было огорчить его вѣрующую корреспондентку, и, утѣшая ее, онъ прибавляетъ: „Не махайте рукой, бабушка. Во мнѣ есть, и въ сильной степени, христіанское чувство; но и это есть, и это мнѣ дорого очень. Это чувство правды и красоты, а то чувство личное — любви, спокойствія. Какъ это соединяется, не знаю и не могу растолковать; но *сидятъ кошка съ собакой въ одномъ чуланѣ,—это положительно*“.

Надо теперь же сказать: какъ односторонній, почти невольная вѣра въ обновительную силу мысли, такъ и не менѣе одностороннее обожаніе природной, матеріальной естественности остались присущи Толстому до конца его дней. Всю свою жизнь онъ обожаетъ простое,

созданное не сознаниемъ, а стихійнымъ процессомъ: мужицкій бытъ, мужицкую психику; въ этомъ одномъ видить норму и красоту, и органически ненавидитъ культуру, интеллигентскій бытъ и интеллигентскую психику. Эта любовь къ низшей природности конечно была ему врождена, и въ молодости еще усилена влияниемъ Руссо, котораго онъ много читалъ, а потомъ и Тютчева. Весьма вѣроятно, что въ этой наклонности сказалось его сильное эстетическое чувство, потому что стихійное вѣдь дѣйствительно гармонично, а сознание нарушаетъ строй. Цѣльность того, умирающаго какъ дубъ, мужика безъ сомнѣннн обаятельна, разладъ въ душѣ умирающей барыни дѣлаетъ ее уродливой. Правда, можно взглянуть на эти два явленія и иначе; можно сказать, что та красота элементарна, красота низшаго порядка въ человѣкѣ, уродство же барыни есть уродство всякаго раскрытнн, всякаго перехода, и задатокъ будущей, безъ сравненнн высшей, истинно-человѣческой гармоннн. Но это—уже разсужденнн, а глазъ художника воспрннмаетъ вещи статически, какъ онѣ есть.

Очевидно, Толстому надо было искать выхода изъ антиномнн разумъ-природа, и выходъ этотъ, какъ мы видѣли и увидимъ еще подробнѣе, онъ нашелъ въ признаннн самой сердцевины разума за законъ природы въ человѣкѣ, за естественную норму, источникъ здоровья и красоты. Эту мысль онъ начинаетъ сознательно проводить въ изучаемый нами пернодъ, и на ней же онъ обосновываетъ свое позднѣйшее ученнн. Но эта идея, столь дорогая ему и столь удобная, была всетаки не болѣе, какъ идеологическимъ мостомъ. Если я не ошибаюсь, она не поглотила обѣихъ крайностей. Въ ней сказалось, безъ сомнѣннн, то тайное и невыразимое знаннн Толстого объ онтологическомъ характерѣ человѣческой мысли, объ ея субстанцнальности и дѣйственности, которое я выше пробовалъ отмѣтить; но рядомъ все время идутъ, независимо отъ нея, какъ двѣ отдѣльныя рѣки на обширной территорнн,—умилени предъ эмпирически-природнымъ и слѣпая вѣра въ возможность для человѣка переродиться помощью мысли.

IV.

Если бы понадобилось коротко формулировать мнровоззрѣннн Толстого около его тридцати лѣтъ, оно могло бы быть выражено въ двухъ положенняхъ.

1. Весь мнръ, котораго человѣкъ есть часть,—только *Онъ, Deus sive natura*. Самъ Толстой выражаетъ эту мысль (въ „Трехъ смертяхъ“) „великими“ словами псалмопѣвца: „Сокроешь лицо Твое—смущаются, возьмешь отъ нихъ духъ—умираютъ и въ прахъ свой возвращаются. Пошлешь духъ Твой—создаются и обновляютъ лицо земли. Да будетъ Господу слава

во вѣки“. Этотъ Богъ—не личный Богъ догматическихъ религій: „Тѣмъ-то онъ Богъ, что все его существо я не могу представить себѣ. *Да онъ и не существо: онъ законъ и сила*“; эти строки Толстой записалъ въ своемъ дневникѣ 1 февраля 1860 года.

2. Въ каждомъ человѣкѣ звучитъ внутреннй голосъ, который и есть законъ Бога; этому голосу должно слѣдовать, но люди большею частью пренебрегаютъ имъ, и оттого гибнутъ. Законъ этотъ для всѣхъ одинъ и тотъ же. Въ 1862 году, оспаривая теорію историческаго прогресса, Толстой пишетъ: „Скажу болѣе: я не вижу никакой необходимости отыскивать обще законы въ исторіи, не говоря уже о невозможности этого. Общій вѣчный законъ написанъ въ душѣ каждаго человѣка. Законъ прогресса, или совершенствованія, написанъ въ душѣ каждаго человѣка, и только вслѣдствіе заблужденія переносится въ исторію“.

Этотъ общій всѣмъ законъ или во всякой душѣ звучащій голосъ Толстой опредѣлялъ, какъ потребность любви и дѣланія добра. Изображая Лизу въ „Двухъ гусарахъ“, онъ говоритъ, что она сохранила еще въ цѣлости и не расточила ту „силу любви, которую въ душу каждаго изъ насъ одинаково вложило Провидѣніе“,—и такъ во многихъ другихъ мѣстахъ. Можно спросить: почему Толстой призналъ эту потребность присущею всѣмъ людямъ, когда опытъ, казалось бы, на каждомъ шагѣ опровергаетъ эту увѣренность? По это—тайна его вѣры. Важно отмѣтить, что въ немъ самомъ потребность любви и добра была не чисто-естественнаго происхожденія, какъ онъ утверждалъ обо всѣхъ людяхъ, а отчасти возбуждена разсужденіемъ. Въ 1859 году, въ письмѣ къ гр. А. А. Толстой, онъ свидѣтельствовалъ, что это убѣжденіе—что жить надо для другихъ—сложилось у него въ результатъ двухлѣтней мучительной и вмѣстѣ радостной душевной работы на Кавказѣ, т.-е. въ 1851—2 гг., и что она навсегда останется его убѣжденіемъ. И тутъ же онъ даетъ свое обоснованіе этому догмату: жить надо для другихъ—„чтобы быть счастливымъ вѣчно“. Эта утилитарная апологія добра, воплиѣ разсудочная, повторяется многократно и въ его повѣстяхъ, и въ другихъ его писаньяхъ начиная съ 1852 года. Такъ Нехлюдовъ въ „Утрѣ помѣщика“ въ одинъ прекрасный день понялъ, что „любовь, самоотверженіе — вотъ одно истинное, *независимое отъ случая* счастье“. Совершенно этимъ же путемъ приходитъ къ своему открытію и Оленинъ: потребность счастья, говоритъ онъ себѣ, законна; но если я стану удовлетворять ее эгоистически, т.-е. искать для себя богатства, славы и пр., то можетъ случиться, что обстоятельства сложатся неблагопріятно и я не смогу осуществить своихъ желаній; какія же желанія могутъ быть удовлетворены при всякихъ обстоятельствахъ? ясное дѣло: любовь, самоотверженіе!—И для себя самого Толстой въ 1856 г. записы-

ваетъ въ дневникѣ: „Могучее средство къ истинному счастью въ жизни“—пускать изъ себя во всѣ стороны паутину любви. Всѣ эти разсужденія — чистый эгоизмъ и рассудочность. И онъ искренно силится такъ жить: „По доброму дѣлу въ день — и довольно“ (запись въ дневникѣ 1857 года), и даже такъ: „Самоотверженіе не въ томъ, что берите съ меня что хотите, — а трудись, и думай, и хитри, чтобы отдать себя“ (тамъ же). Это опять была *мысль*, которая претендовала подчинить себѣ волю, — и, разумѣется, воля не слушалась. Толстой многократно жалуется на это. „Гдѣ ее взять — любви и самопожертвованія, когда нѣтъ въ душѣ ничего, кромѣ себялюбія и гордости. Какъ ни поддѣлывайся подъ самоотверженіе, все та же холодность и расчетъ на днѣ. И выходитъ еще хуже, чѣмъ ежели бы далъ полный просторъ всѣмъ своимъ гадкимъ стремленьямъ“ (1858, гр. А. А. Толстой, и о томъ же еще рѣзче—въ 23-мъ письмѣ къ ней же, 1859 года.)

Итакъ, что же? Имѣя такой личный опытъ, не долженъ ли былъ Толстой смѣло взглянуть истинѣ въ глаза и спросить себя: а что если врожденная потребность любви и дѣланія добра есть просто мое измышленіе, на самомъ же дѣлѣ внутренній голосъ, природный, великъ мнѣ любить самого себя?—Но нѣтъ, Толстой не допускаетъ такой мысли; онъ категорически говоритъ: я лично плохъ, испорченъ жизнью, а та потребность непременно вложена Богомъ въ каждого человѣка. Такъ онъ говоритъ теоретически, какъ напимѣръ въ томъ мѣстѣ „Двухъ гусаровъ“, гдѣ описываетъ Лизу; такъ онъ говоритъ иногда и художественно; напимѣръ, Нехлюдовъ въ „Запискахъ маркера“ погибаетъ оттого, что пересталъ слышать свой „внутренній голосъ“ (этотъ терминъ встрѣчается теперь едва ли не въ каждой повѣсти Толстого), а этотъ внутренній голосъ у него былъ совершенно тотъ же, что у Лизы: „безпредметная сила любви, отрадной теплотою согрѣвавшая его сердце“, „сочувствіе ко всему прекрасному“, „благородныя стремленія“.

А теперь прошу взглянуть, въ какомъ видѣ выставилъ Толстой потребность дѣланія добра въ „Утрѣ помѣщика“. На всѣ другіе замыслы героя этой повѣсти его „внутренній голосъ“ или „высшее чувство“ неизмѣнно отвѣчало: *не то!* когда же онъ понялъ, что истинное счастье—въ самоотверженіи, внутренній голосъ отчетливо сказалъ: *то!* Казалось бы, чего же лучше? значить, самый грунтъ,—строй увѣренно! А въ итогѣ оказывается, что это вовсе не былъ грунтъ. Въ концѣ повѣсти, т.-е. послѣ изряднаго опыта въ дѣланіи добра, ея герой разочарованъ. „Вотъ ужъ больше года, что я ищу счастья на этой дорогѣ, и что-жъ я нашель? Правда, иногда я чувствую, что могу быть довольнымъ собою; но это какое-то сухое, разумное довольство. Да и нѣтъ, я просто недоволенъ собой! Я недоволенъ, потому что я здѣсь не знаю счастья, а желаю, страстно желаю счастья“. При этомъ Тол-

стой ни однимъ словомъ не намекаетъ на то, чтобы Нехлюдовъ былъ испорченной натурою; напротивъ, это чистый, великодушный юноша. Еще гораздо хуже обстоитъ дѣло съ внутреннимъ голосомъ Оленина,— и въ этой связи мы можемъ наконецъ вполне, и глубже прежняго, понять развязку его исторіи. Въ этой повѣсти художникъ осмѣлился пойти наперекоръ мыслителю. Толстой опредѣленно говоритъ: рѣшеніе Оленина искать счастья въ добръ было только „умственной работой“, но не внутреннимъ голосомъ; внутренний же голосъ, пробужденный въ немъ любовью, повелѣвалъ иное. „Самоотверженіе — все это вздоръ, дичь. Это все гордость, убѣжище отъ заслуженнаго несчастья, спасеніе отъ зависти къ чужому счастью. Жить для другихъ, дѣлать добро... зачѣмъ?—когда въ душѣ моей одна любовь къ себѣ и одно желаніе—любить ее (Марьяну) и жить съ нею, ея жизнью“. И Толстой опредѣленно говоритъ: здѣсь-то уже обмана не было, это былъ дѣйствительно грунтъ; вотъ доказательство: теперь впервые Оленинъ „почувствовалъ себя нераздѣльною частью всего счастливаго Божьяго міра“ и впервые же „жилъ не самъ по себѣ“, но имъ руководило „что-то сильнѣе его“.

Нѣтъ, вопросъ о *смыслѣ* внутренняго голоса еще не былъ рѣшенъ для Толстого. Въ себѣ самомъ онъ какъ будто чувствовалъ, что голосъ этотъ велитъ ему любить другихъ, но, съ другой стороны, онъ зналъ, что это—просто мысль, эгоистическій расчетъ на „счастье, независимое отъ случая“, и зналъ по опыту, что усиліе воли, подвинутое мыслию, всегда бываетъ насильственнымъ, т.-е. не рождаетъ гармоніи съ міромъ и съ собою, и въ концѣ-концовъ бесплоднымъ. Очевидно, въ немъ самомъ, на-ряду съ этимъ голосомъ, звучалъ еще другой голосъ—себялюбія, и гдѣ было больше „природы“ или Бога,—оставалось тайной; потому что Богъ для Толстого былъ пока—только природа.

Онъ очень мучился этой двойственностью,—своимъ органическимъ тяготѣніемъ къ природѣ, которая знать не знаетъ о разумѣ и совѣсти, и органической же потребностью въ нравственномъ законѣ. Съ вѣрою въ Бога-природу, Бога-brute ио-человѣчески прожить невозможно. Минутами ему кажется несомнѣннымъ, что звучащій въ насъ голосъ о добръ есть воля Бога въ насъ; но въ такомъ случаѣ слѣдованіе этому голосу, какъ и всякое другое исполненіе природныхъ законовъ, должно давать намъ счастье; почему же оказывается, что это лишь рѣдко бываетъ? Значитъ, тотъ голосъ—не основной или природный, а человѣческое измышленіе, природа же велитъ намъ другое, и другое вѣнчаетъ чувствомъ счастья и согласія съ міромъ? Такой экспериментъ Толстой произвелъ въ „Казакахъ“, съ рѣдкою художнической честностью и неустрашимостью; но въ общемъ онъ всетаки отвергаетъ эту мысль: онъ вѣритъ въ природность, или прирожденность, воли къ добру. Надо только закрѣпить въ себѣ эту волю, ослабляемую соблазнами міра, надо сдѣ-

латъ ее регулятивнымъ принципомъ своего поведенія, и для этого очевидно нужна надъ-человѣческая санкція, нуженъ космическій базисъ. Но Богъ-природа этой санкціи не можетъ дать: ее можетъ дать только *религія*, объемлющая въ единствѣ и природу, и нравственное сознание человѣка.

Слѣдующія строки, подтверждая правильность изложеннаго здѣсь анализа, покажутъ, какъ страстно, хотя, можетъ быть, и со смутнымъ сознаниемъ, Толстой въ эти годы жаждалъ религіи. Онѣ находятся въ томъ самомъ письмѣ 1859 года, гдѣ онъ рассказывалъ исторію зарожденія у него на Кавказѣ, съ тѣхъ поръ навсегда, какъ онъ пишетъ, усвоенной имъ вѣры, что жить надо для другихъ.

„Дѣло въ томъ, что я люблю, уважаю религію, считаю, что безъ нея человѣкъ не можетъ быть ни хорошъ, ни счастливъ, что я желалъ бы имѣть ее больше всего на свѣтѣ, что я чувствую, какъ безъ нея мое сердце сохнетъ съ каждымъ годомъ, что я надѣюсь еще и въ короткія минуты какъ будто вѣрю, — но не имѣю религіи и не вѣрю. Кромѣ того, жизнь у меня дѣлаетъ религію, а не религія жизнь. Когда я живу хорошо, я ближе къ ней, мнѣ кажется—вотъ-вотъ совсѣмъ готовъ войти въ этотъ счастливый міръ; а когда живу дурно, мнѣ кажется, что и не нужно ея.—Теперь, въ деревнѣ, я такъ гадокъ себѣ, такую сухость я чувствую въ сердцѣ, что страшно и гадко, и слышнѣй необходимость. Богъ дастъ, придетъ“. Еще ниже онъ прибавляетъ: „Главное, что я лгать не могу передъ собой. Есть больная сестра, старая тетка, мужики, которымъ можно быть полезнымъ, съ которыми можно нѣжничать, но сердце молчитъ, а нарочно дѣлать добро—стыдно. Тѣмъ болѣе, что я испыталъ счастье (какъ ни рѣдко) дѣлать, не зная, нечаянно, отъ сердца. Сохнетъ, деревенѣетъ, сжимается, и ничего не могу сдѣлать“.

V.

Среди этихъ сомнѣній, подчасъ мучительныхъ, въ вопросѣ о человеческомъ сознаниі Толстой нашелъ себѣ одну непоколебимую точку опоры, на которой и укрѣпился пока—и надолго. *Красота*—вотъ несомнѣнно одна изъ узъ, связующихъ человѣческій духъ съ природой. Мы напрасно стали бы искать у Толстого, по крайней мѣрѣ въ этотъ періодъ, болѣе точныхъ опредѣленій красоты. Для него всякая красота—элементъ природный, или, какъ сказали бы нынче, космическій; все равно, красота Марьяны, или красота Женевского озера, или красота поэзіи во всѣхъ своихъ формахъ; это—стихійный призывъ, находящій откликъ во всякой душѣ, и, слѣдовательно, подлинный посредникъ между Богомъ-космосомъ и человѣческой душой. О Марьянѣ онъ характерно оговорился: „*Пришла красота, и въ прахъ разсыяла*“ и т. д.

Присмотримся внимательнѣе къ тѣмъ чертамъ, какими Толстой въ изучаемый періодъ изображалъ красоту и ея дѣйствіе на душу человѣка. Вотъ слушатели „молча, съ трепетомъ надежды“ ловятъ звуки Альбертовой скрипки. „Изъ состоянія скуки, шумнаго разсѣянія и душевнаго сна, въ которомъ находились эти люди, они вдругъ незамѣтно перенесены были въ совершенно другой забытый ими міръ“, и дальше: въ душу каждаго лился потокъ „давно знакомой, но въ первый разъ высказанной поэзіи“. Это почти Платоновскія слова; вся накипь жизни „спадаетъ ветхой чешуей“, и обнажается благодатный грунтъ души, душа *припоминаетъ* вѣчные прообразы, видѣнные ею въ ея небесной родинѣ и печально забытые ею на землѣ. Вотъ что дѣлаетъ поэзія.

Совершенно такъ же изображено дѣйствіе музыки въ „Люцернѣ“. „Эти звуки мгновенно живительно подѣйствовали на меня. Какъ будто яркій, веселый свѣтъ проникъ въ мою душу. Мнѣ стало хорошо, весело. Заснувшее вниманіе мое снова устремилось на всѣ окружающіе предметы. И красота ночи и озера, къ которымъ я прежде былъ равнодушенъ, вдругъ, какъ новость, отрадно поразили меня... Всѣ спутанныя, невольныя впечатлѣнія жизни вдругъ получили для меня значеніе и прелесть. Въ душѣ моей какъ будто распустился свѣжій, благоухающій цвѣтокъ. Въмѣсто усталости, разсѣянья, равнодушія ко всему на свѣтѣ, которыя я испытывалъ за минуту передъ этимъ, я вдругъ почувствовалъ потребность любви, полноту надежды и безпричинную радость жизни. Чего хотѣть, чего желать? сказалось мнѣ невольно, вотъ она, со всѣхъ сторонъ обступаетъ тебя красота и поэзія. Вдыхай ее въ себя широкими полными глотками насколько у тебя есть силы, наслаждайся, чего тебѣ еще надо! Все твое, все благо“... То же самое рассказываетъ Толстой въ своемъ дневникѣ о впечатлѣніи, которое производилъ на него каждый день видъ озера и далекихъ горъ: „красота ослѣпляла меня и мгновенно съ силой неожиданно дѣйствовала на меня. Тотчасъ же мнѣ хотѣлось любить, я даже чувствовалъ въ себѣ любовь къ себѣ и жалѣлъ о прошедшемъ, надѣялся на будущее и жить мнѣ становилось радостно“, и т. д.

Итакъ, относительно любви и добра Толстой—очевидно, по недостатку личнаго опыта—еще далеко не былъ въ силахъ рѣшить, суть ли они стихія человѣческаго духа, или только мечтательная ложь. Одно онъ зналъ достовѣрно по личному опыту: въ красотѣ (природы ли, или искусства) нѣтъ и не можетъ быть обмана: потребность красоты и способность чувствовать ее несомнѣнно коренятся въ грунтѣ человѣческаго духа,—оттого-то они и универсальны, оттого-то красота такъ сильно дѣйствуетъ на душу, и оттого ея дѣйствіе такъ существенно (какъ мы сказали бы теперь). Итакъ, вотъ единая скала среди зыбкости нравственныхъ законовъ; „красота,—сказано въ „Альбертѣ“,—единственное

несомненное благо въ мірѣ“, и еще: „искусство есть высочайшее проявленіе могущества въ человѣкѣ“. За эту скалу Толстой и зацѣпилъ свой якорь, и такъ какъ онъ былъ художникъ, то это убѣжденіе въ цѣнности и могуществѣ красоты, а значитъ и искусства, оказалось для него въ высшей степени благотворнымъ. Онъ, словно по эгоистическому инстинкту, усвоилъ себѣ такое одностороннее міровоззрѣніе, которое обезпечило ему необходимую для работы и роста самоувѣренность, сознание важности своего труда.

Глубоко характерно, что во весь этотъ періодъ, когда онъ такъ много—и теоретически, и практически—возился съ вопросомъ о любви и дѣланіи добра, и все вновь и вновь утверждался въ мысли, что любовь и жажда добра врождены человѣку и одни могутъ дать ему прочное счастье,—онъ художественно ни разу не попытался изобразить *элементарную силу* добра. Пройдетъ еще много лѣтъ, прежде чѣмъ онъ рѣшится и сумѣетъ наглядно, т.-е. въ образахъ, демонстрировать людямъ, какъ изъ засоренныхъ сердець со стихійной силою пробивается чистая струя любви и добра, какъ, пробиваясь, она тутъ же расплавляетъ твердую коросту, которою обросло сердце, и какъ, пробившись, она плавить грѣхъ и злобу и въ мірѣ; это—„Хозяинъ и работникъ“, „Воскресенье“, посмертныя произведенія. Теперь онъ еще не пробуетъ дѣлать это. Напротивъ, именно такую онъ теперь изображаетъ только красоту, т.-е. какъ силу стихійную и неотразимую, какъ голосъ Бога въ человѣкѣ. Когда Альбертъ играетъ, всѣ слушатели глубоко потрясены — и пьяные гости, и падшія женщины, у Делесова по щекамъ текутъ слезы, и даже толстое лицо хозяйки публичнаго дома расплывается отъ наслажденія; такъ могущественно плавить этотъ небесный огонь. Когда предъ Швейцергофомъ поетъ странствующій тиролецъ, — все кругомъ „почтительно“ умолкаетъ, богатые иностранцы неподвижно стоятъ на балконахъ, поваръ и лакей таютъ отъ удовольствія. И Толстой поясняетъ: всѣ люди инстинктивно любятъ и ищутъ *только* красоту, какъ лучшее благо міра,—ее одну; вы думаете, что пружина вашихъ дѣйствій—корысть, что вы любите только деньги; это самообманъ: не деньги, не всѣ другія приманки жизни влекутъ васъ,—а заставляетъ васъ дѣйствовать одно, и вѣчно будетъ двигать *сильнѣе всѣхъ другихъ двигателей жизни*,—потребность поэзии, которую не сознаете, но чувствуете и вѣкъ будете чувствовать, пока въ васъ останется что-нибудь человѣческое“. Очевидно, *это* Толстой зналъ твердо, зналъ въ чувствѣ и волѣ своей, а ту вѣру, въ любовь и добро, исповѣдывалъ умственно.

Но естественно спросить: въ сознаниі своемъ долженъ же онъ быть при такихъ условіяхъ отождествлять желаніе красоты съ желаніемъ добра? Вѣдь по его мысли оба они—голосъ Бога или природы въ че-

ловѣкъ. Или же они противоположны и влекутъ человѣка въ двѣ разныя стороны? потому что третьей возможности нѣтъ, — не могутъ два коренныхъ влеченія жить рядомъ въ одной душѣ безучастно другъ къ другу. Это былъ роковой вопросъ, и онъ позднѣе грозно встанетъ предъ Толстымъ—въ „Крейперовой сонатѣ“, въ его размышленіяхъ объ искусствѣ. Теперь у Толстого еще нѣтъ отвѣта. Теоретически онъ въ разныхъ мѣстахъ намекаетъ, что стихійный позывъ къ красотѣ есть позывъ къ любви и дѣланію добра; но, какъ художникъ, онъ добросовѣстно изображаетъ—англичанъ, влекомыхъ въ Швейцарію жаждой красоты, и однако ею нисколько не просвѣтляемыхъ, слушателей, упивающихся игрою Альберта или пѣнемъ странствующаго пѣвца, и не пробуждаемыхъ этими звуками къ любви и добру. И тамъ, гдѣ ему приходится вплотную изображать дѣйствіе красоты на отдѣльную душу, онъ не рѣшается приписать ея дѣйствію положительно-моральный характеръ. Мы видѣли, какъ онъ рисуетъ эту картину: душа, подъ вліяніемъ красоты, очищается, молодѣетъ, возвращается къ своему источнику, — и только. Объективно въ этомъ очищеніи душевной почвы нѣтъ никакихъ залоговъ именно любви, именно добра; скорѣе наоборотъ: „Чего хотѣтъ, чего желать? вотъ она, со всѣхъ сторонъ обступаетъ тебя красота и поэзія... Наслаждайся, чего тебѣ еще надо! Все твое, все благо...“—Отводомъ не можетъ служить то соображеніе, что здѣсь дѣйствіе красоты показано въ душахъ, уже сильно загрязненныхъ; житейская кора не мѣшаетъ же поэзіи проникать до сердцевины душевной, — почему же черезъ пробитую ею брешь не изливается наружу струя врожденной любовности?—Очевидно, общечеловѣческая потребность въ красотѣ была для Толстого фактомъ безъ сравненія болѣе несомнѣннымъ, нежели моральное воздѣйствіе красоты; и все вмѣстѣ было въ немъ еще до крайности противорѣчиво.

Одинъ разъ Толстой сдѣлалъ попытку болѣе или менѣе систематически разобраться въ этихъ вопросахъ; но эта попытка оказалась мало удачной. Я говорю о концѣ „Люцерна“, объ этомъ искреннемъ и горячемъ монологѣ, въ которомъ съ равной силою обнаружили и самобытность, и противорѣчивость тогдашнихъ мыслей Толстого о жизни.

Онъ выставляетъ здѣсь слѣдующія положенія. Надъ всей, вѣрнѣе—во всей твари царитъ *Онъ*—Богъ, или природа, или Духъ. Его законамъ подвластна вся матерія, его же законы направляютъ духовную жизнь человѣчества въ цѣломъ и cadaго отдѣльнаго человѣка. Здѣсь, въ душѣ человѣческой, воля Всемирнаго Духа сказывается тремя неискоренимыми стремленіями или потребностями: стремленіемъ любить одинъ другого, потребностью въ красотѣ, и потребностью мыслить сознательно. Но эта послѣдняя функція духа, т.-е. мышленіе, нарушаетъ правильную дѣятельность первыхъ двухъ законовъ; изъ-за миражей и

перегородокъ, воздвигаемыхъ сознаниемъ, люди *забываютъ* свои врожденные наклонности, начинаютъ думать, что имъ хочется денегъ, почестей и пр., тогда какъ по природѣ имъ хочется только поэзи, и живутъ во враждѣ между собою, тогда какъ счастье, имъ обѣтовано только во взаимной любви. Значитъ, все зло—въ дѣятельности сознания. И здѣсь Толстой раздражается краснорѣчивой филиппикой противъ *мысли*, какъ таковой; я долженъ привести эту выдержку, хотя она и длинна.

„Несчастное, жалкое созданіе—человѣкъ съ своею потребностью положительныхъ рѣшеній, брошенный въ этотъ вѣчно движущійся, безконечный океанъ добра и зла, фактовъ, соображеній и противорѣчій! Вѣками бьются и трудятся люди, чтобъ отодвинуть къ одной сторонѣ благо, къ другой—неблаго. Проходятъ вѣка, и гдѣ бы, что бы ни прикинулъ безпристрастный умъ па вѣсы добраго и злого, вѣсы не колеблются и на каждой сторонѣ столько же блага, сколько и неблаго. Ежели бы только человѣкъ выучился не судить и не мыслить рѣзко и положительно и не давать отвѣтовъ на вопросы, данные ему только для того, чтобы они вѣчно оставались вопросами! Ежели бы только онъ понималъ, что всякая мысль и ложна, и справедлива: ложна односторонностью, по невозможности человѣка обнять всей истины, и справедлива—по выраженію одной стороны человѣческихъ стремленій! Сдѣлали себѣ подраздѣленія въ этомъ вѣчно-движущемся, безконечномъ, безконечно-перемѣшанномъ хаосѣ добра и зла, провели воображаемыя черты по этому морю, и ждутъ, что море такъ и раздѣлится. Точно нѣтъ миллионовъ другихъ подраздѣленій совѣтъ съ другой точки зрѣнія, въ другой плоскости... Цивилизація—благо; варварство—зло; свобода—благо; неволя—зло. *Вотъ это-то воображаемое знаніе уничтожаетъ инстинктивныя, блаженнѣйшія первобытныя потребности добра въ человеческой натурѣ.* И кто опредѣлитъ мнѣ, что свобода, что деспотизмъ, что цивилизація, что варварство? И гдѣ границы одного или другого! У кого въ душѣ такъ непоколебимо это мѣрило добра и зла, чтобъ онъ могъ мѣрить имъ бѣгущіе, запутанные факты?“ и т. д.

Но вѣдь это, какъ признаетъ самъ Толстой,—извѣчная потребность человѣческаго духа? Въ такомъ случаѣ, какъ же быть? Неужели Толстой серьезно думалъ, что человѣку *возможно* жить, не различая добра и зла, что его мозгъ можетъ, не разрываясь вдребезги, хранить въ себѣ безъ отвѣта „вопросы, данные ему только для того, чтобы они вѣчно оставались вопросами“? Легко сказать: ежели бы человѣкъ выучился не судить и не искать положительныхъ рѣшеній!—но вѣдь это чпстая нелѣпость; человѣкъ такъ же не можетъ этому выучиться, какъ птица не можетъ выучиться не хотѣть летать.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Толстой этого и не думалъ. Въ своемъ

страстномъ монологѣ онъ только далъ волю своему чувству, своему инстинктивному обожанію добра и красоты и своему инстинктивному отвращенію къ мысли. Онъ не посмѣлъ сказать, что мышленіе—противоестественно, т.-е. противно природѣ человѣческаго духа; по крайней мѣрѣ, онъ постарался выискать все, чѣмъ можно унизить мысль, изболочить ее въ лживости, въ заносчивости. Онъ мститъ ей за то, что она обижаетъ его любимцевъ—добро и красоту. Въ особенннсти красоту; весь сыръ боръ-то и загорѣлся въ данномъ случаѣ изъ-за униженія *поэзіи* (талантливый музыкантъ, — а Толстой былъ очень чувствителенъ къ музыкѣ); обиженное добро привлечено уже только во второй линіи. А самое забавное здѣсь то, что вѣдь все это негодующее разсужденіе есть не что иное, какъ опять-таки мысль, разсудочная расцѣпка добра и зла. Толстой въ послѣднюю минуту понялъ комизмъ своего положенія, комизмъ трагическій, потому что неизбѣжный именно вслѣдствіе невозможности для человѣка не расцѣпывать добро и зло. Послѣдними строками разсказа Толстой пытается вернуть насъ къ невозмутимому безразличію Бога-природы. „Только тебѣ, ничтожному червяку, дерзко, беззаконно пытающемуся проникнуть Его законы, Его намѣренія, только тебѣ кажутся противорѣчія. Онъ кротко смотритъ съ своей свѣтлой, неизмѣримой высоты и радуется на безконечную гармонию, въ которой вы всѣ противорѣчиво, безконечно движетесь. Въ своей гордости ты думалъ вырваться изъ законовъ общаго. Нѣтъ, и ты съ своимъ маленькимъ, пошленькимъ негодованьемъ на лакеевъ, и ты тоже отвѣтилъ на гармоническую потребность вѣчнаго и безконечнаго...“ Но что намъ дѣлать съ этимъ разсужденіемъ? Вѣдь это—только слова: *pome vane senza soggetto*. Конечно, во Всемірномъ Духѣ всѣ антиноміи разрѣшены, да мы-то осуждены жить и дѣйствовать именно въ антиноміяхъ. Разъ мы не властны не мыслить, то и будемте мыслить съ полнымъ сознаниемъ того, что мы дѣлаемъ и чѣмъ мы отвѣтственны; и пусть всѣ врожденныя потребности нашего духа осуществляются и ратоборствуютъ между собою, медлительно вырабатывая какое-то приближеніе къ идеальной равнодѣйствующей. Толстой не хочетъ видѣть, что въ дикарѣ, гдѣ разумъ еще почти безмолвствуетъ,—и другія двѣ потребности духа едва видны въ зародышѣ; онъ хотѣлъ бы человѣка съ бушменскимъ разумомъ—и съ высоко-развитыми инстинктами любви и красоты, человѣка-монстра съ сердцемъ взрослога—и головою новорожденнаго.

Но, въ концѣ-концовъ, все это были—умозрѣнія. У самого Толстого, какъ видитъ всякій, и голова была какъ у взрослога человѣка, и даже нѣсколько больше. Онъ именно непрестанно мыслить, безъ усталости ищеть „положительныхъ рѣшеній“ и чрезъ всѣ сферы жизни проводить „воображаемыя черты“. Онъ противорѣчитъ себѣ во всемъ. По его вѣрѣ

величайшее благо въ мірѣ—красота, поэзія, самая шаткая и вредная вещь въ мірѣ—мысль; а онъ за весь этотъ семилѣтній періодъ не написалъ ни одного произведенія, которое имѣло бы своимъ содержаніемъ только поэзію, и, напротивъ, всѣ написанныя имъ въ этотъ періодъ вещи, безъ исключенія, суть писанія à thèse, зачатая мыслью. Эти его настроенія и рождающіяся изъ нихъ убѣжденія суть только капризы или пристрастія, но пристрастія глубоко-знаменательныя, идущія изъ нескрытыхъ еще глубинъ его духа, изъ неосознанныхъ еще душевныхъ опытовъ его; пристрастія плодотворныя и многообѣщающія, обѣщающія человѣчеству Толстого 1877—1910 годовъ.

VI.

Я пытался разглядѣть и показать основныя линіи той запутанной сѣти чувствъ и идей, какую представляла въ эти годы духовная жизнь Толстого. Внѣшній анализъ неизбежно даетъ картину сухую и схематическую, ибо какъ воспроизвести логическимъ словомъ столь сложное сплетеніе живыхъ силъ и наклонностей, зрѣлыхъ и зачаточныхъ, сознательныхъ и чувственныхъ, противоположныхъ съ виду и, однако, взаимно питающихъ другъ друга? Но всего болѣе надо остерегаться въ этомъ несовершенномъ анализѣ,—какъ бы за частностями не проглядѣть органическое единство личности и ея особенность, ей одной присущіе складъ и размѣры.

Въ „Исповѣди“, написанной около 1879 года, Толстой, говоря о шестилѣтнемъ будто бы, а въ дѣйствительности семилѣтнемъ періодѣ своей жизни отъ пріѣзда въ Петербургъ до женитьбы, опредѣляетъ свою тогдашнюю идеологию тремя чертами: вѣрою въ общее совершенствованіе человѣчества, вѣрою въ то, что главными дѣятелями этого совершенствованія являются художники, наконецъ, вѣрою въ то, что художникъ учитъ бессознательно и, стало быть, не обязанъ знать, что хорошо, что дурно.

Какъ мы видѣли, дѣло было не совсѣмъ такъ; не было ни этой стройности убѣжденій, ни этой усюкоенности. Въ совершенствованіе человѣчества, т.-е. въ инстинктъ и поступательную силу добра, Толстой хотѣлъ и пытался вѣрить, но увѣренности не имѣлъ, чѣмъ и мучился безпрестанно; въ цѣнность искусства дѣйствительно вѣрилъ крѣпко, но характеръ этой цѣнности былъ ему неясенъ, т.-е. нерѣшеннымъ оставался вопросъ, какъ дѣйствуетъ на людей красота специально въ смыслѣ добра; и потому Толстой въ *этомъ* смыслѣ практически не довѣрялъ красотѣ и не рѣшался быть „чистымъ“ художникомъ, а старался примѣшивать къ искусству прямую проповѣдь добра; въ общемъ же страстно и упорно силился выяснить для себя какъ-разъ, что хорошо, что дурно.

Эта внутренняя работа носила въ цѣломъ тотъ же характеръ, какъ у всякаго человѣка, но форму приняла своеобразную, и сверхъ того отличалась напряженностью, соразмѣрной съ исключительнымъ объемомъ духовныхъ силъ Толстого.

Среди многообразія собственныхъ чувствованій, непосредственно возникавшихъ изнутри или провоцируемыхъ внѣшнимъ міромъ, среди противорѣчивости идей своихъ и воспринятыхъ извнѣ, Толстому надо было, какъ и всякому человѣку въ молодости, найти материкъ своего духа, чтобы пріобрѣсти внутреннюю устойчивость. Человѣкъ въ опытѣ какъ бы испытываетъ *на подлинность* всевозможныя категоріи душевныхъ силъ, реакцій, отношеній и каждый разъ безсознательно отмѣчаетъ про себя степень универсальности и успѣшности вовнѣ, степень полноты и удовлетворенности въ себѣ, къ какимъ приводитъ его та или другая форма или сторона его міроотношенія. Эта работа совершается всецѣло въ нереживаніяхъ, она по существу эмоціональна; метафизическій складъ личности какъ бы непрерывно выпускаетъ изъ себя щупальцы, чтобы путемъ провѣрки ихъ на опытѣ опредѣлить наконецъ, что въ личности—ея настоящее ядро, и что въ ней подвижно, временно или случайно. Такъ человѣкъ постепенно чрезъ опытъ находитъ себя, и въ главныхъ чертахъ всегда находитъ; въ концѣ-концовъ, его міроотношеніе непоколебимо упрочивается на подлинныхъ, врожденныхъ основахъ его духа и въ этихъ частяхъ становится твердыней адамантовой крѣпости. Это и есть природная истина данной личности, нравственный скелетъ человѣка. Кто мыслить, тотъ по мѣрѣ нахождения себя въ опытѣ находитъ или вырабатываетъ себѣ и такой составъ сознательныхъ идей, который въ общемъ базируется именно на врожденныхъ основахъ его личности; такія *органическія* идеи безраздѣльно владѣютъ волею человѣка и отличаются чрезвычайной устойчивостью, тогда какъ идеи, слабо базированныя въ личности, слабо влекутъ за собою и волю. Человѣческій умъ по своей природѣ не исключительно личенъ, а гостеприменъ въ высшей степени; практически каждый человѣкъ къ извѣстному возрасту находитъ себя въ опытѣ, умозрительно же лишь очень немногіе люди обладаютъ нужнымъ запасомъ собственныхъ основныхъ идей; большинство людей пробавляется пестрой смѣсью своихъ недоношенныхъ и чужихъ органическихъ идей, что является причиною безчисленныхъ колебаній, непоследовательностей и душевныхъ страданій какъ въ личной, такъ и въ общественной жизни.

Толстой былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, героевъ въ карлейлевскомъ смыслѣ, которые не только съ незаурядной страстностью ищутъ опредѣлить себя въ опытѣ, но и по мѣрѣ себянахождения ищутъ найти себя въ своемъ сознаніи и съ отвращеніемъ отбрасываютъ всякую не въ ихъ „я“ зачатую идею, какъ негодную ветошь. А тамъ,

гдѣ процессъ самоопредѣленія совершается сразу въ обѣихъ сферахъ— и въ чувствѣ, и въ сознаниі, —тамъ онъ чрезвычайно усложняется взаимнымъ захлестываніемъ еще зачаточныхъ и неочищенныхъ формъ, т.-е. чувствъ и идей еще недостаточно провѣренныхъ на личную подлинность. Такъ было и съ Толстымъ. Общія контуры его подлинной личности видны въ немъ уже очень рано, раньше, чѣмъ у большинства людей; но въ частности онъ долго отыскивалъ свои основы и шелъ путемъ безчисленныхъ противорѣчій и оплошкѣ, отравлявшихъ ему существованіе. Онъ вспахивалъ свое поле честно и упорно, не жалѣя труда, какъ вѣрный работникъ на Божьей нивѣ.

И въ томъ-то заключалось своеобразіе его исканій, что врожденные свойства своего духа онъ разыскивалъ не какъ свои лично, а какъ свойства духа общечеловѣческаго, что онъ по какому-то удивительному чутью не желалъ санкционировать въ себѣ ничего, что не было бы универсальнымъ и своей всеобщностью не удостовѣряло бы своего божественнаго, т.-е. природнаго происхожденія. Такъ сильна была въ немъ жажда подлинности, что онъ ничему не хотѣлъ вѣрить—не только европейскому умозрѣнію, но и опыту тысячелѣтій, даже своему собственному опыту, а хотѣлъ нащупать самый грунтъ человѣческой психики, который однако всякій можетъ нащупать только въ себѣ и который провѣрить на подлинность можно только въ опытѣ тысячелѣтій. Это былъ во всякомъ случаѣ чрезвычайно благотворный скептицизмъ по отношенію къ явленіямъ собственной душевной жизни и къ общепринятымъ мнѣніямъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой разсудочной робости, въ этой боязни ошибиться сказывалась, очевидно, сравнительно слабая напряженность внутреннихъ импульсовъ, потому что, будь они могучи, они опредѣлились бы быстро и рано укрѣпились бы въ сознаниі. Но возможно и то, что медленность и разсчетливость толстовскихъ исканій объясняются художественнымъ сыладомъ его натуры. Какъ бы то ни было, работа самоопредѣленія совершалась въ Толстомъ подѣ непрерывнымъ контролемъ мысли, которой онъ такъ глубоко не довѣрялъ: одна изъ роковыхъ антиномій человѣческой судьбы.

Мы видѣли, что исходною точкой Толстого было обожествленіе природы, какъ единственнаго критерія (и источника) всякой законности и подлинности въ мірѣ; соотвѣтственно съ этимъ его конечною цѣлью было—отыскать и въ человѣческомъ духѣ его подлинныя, природныя силы или свойства, всѣ же остальные изболочить и отвергнуть. Очевидно, что предпосылкою такого изслѣдованія являлось предвзятое убѣжденіе, что, тогда какъ въ „природѣ“ все совершенно и нѣтъ ничего поддѣльнаго, въ области духа совершились какія-то неправды, норма нарушилась и исказилась. Какъ это могло случиться? Вѣдь человекъ со всѣмъ, что въ немъ есть,—часть той же природы, т.-е. все

его бытіе регулируется ея же непреложными и непогрѣшимыми законами. На этотъ вопросъ обожатели „природы“ искони отвѣчаютъ: дѣло въ томъ, что человѣческому духу присущъ одинъ органъ, хотя и природный, но самозаконный,—именно сознание; оно-то и увлекаетъ духъ съ путей естества на путь произвола и нарушаетъ закономерность природную; на протяженіи тысячелѣтій оно успѣло глубоко исказить природу въ человѣкѣ. Такъ разсуждалъ и Толстой. Онъ знаетъ, что въ человѣка вложена „потребность положительныхъ рѣшеній“, но онъ убѣжденъ, что именно эти положительные рѣшенія „уничтожаютъ инстинктивные, блаженнѣйшія первобытныя потребности добра въ человѣческой натурѣ“. Совершенно ясно, что логически это утверждение не выдерживаетъ критики; разъ дѣятельность сознанія—естественная потребность человѣческой природы, то она столь же нормальна, какъ и потребность любить, и, слѣдовательно, не подлежитъ осужденію. Мы можемъ скорбѣть о томъ, что сознание шатко и близоруко, что оно плохо уживается съ нашими инстинктивными наклонностями и что отъ этого происходитъ мучительный разладъ, но сердиться на сознаніе за эти неудобства смѣшно, какъ было бы смѣшно сердиться на то, что вещи раздѣлены пространствомъ. Сознаніе, какъ и категория пространства, есть природная, предустановленная данность; прими благоговѣнно и этотъ тяжкій даръ изъ рукъ твоего Бога-природы, познай, что и самая неустойчивость мысли, и ея неспособность вмѣстить всю истину, и ея разногласіе съ твоими инстинктивными потребностями—суть тоже „законы природы“, именно непреложные законы природою даннаго намъ сознанія. Наука доказала, что въ ряду біологическихъ силъ самосознаніе возникло позже всего и сравнительно очень недавно; что же мудренаго, что оно еще не окрѣпло и еще не пришло въ равновѣсіе съ остальными силами духа? Кто знаетъ: не были ли когда-то, въ своемъ зачаточномъ состояніи, столь же шатки и неуживчивы предшествовавшіе ему по времени инстинкты любви и добра (что мы и видимъ на низшихъ стадіяхъ развитія), а еще раньше, при началѣ органической жизни,—даже инстинкты животныя?

Ничего этого Толстой не хочетъ знать, но, противорѣча себѣ въ каждой строкѣ, упорно твердитъ свое: эта потребность хороша, а та дурна, т.-е. дѣлаетъ то же самое, что онъ такъ осуждаетъ въ людяхъ, держащихся утверждать, что цивилизація — благо, варварство — зло, и т. д., т.-е., по его же словамъ, проводитъ воображаемая черта по морю и ждетъ, что море такъ и раздѣлится. Бѣшаго непочтенія къ Всемірному Духу и бѣшаго произвола не можетъ быть, какъ написать эти строки, которыя напечатаны въ „Люцернѣ“: „Одинъ, только одинъ есть у насъ непогрѣшимый руководитель, Всемірный Духъ, проникающій насъ всѣхъ вмѣстѣ и каждого какъ еди-

ницу, влагающий въ каждого стремление къ тому, что должно; тотъ самый Духъ, который въ деревѣ велитъ ему расти къ солнцу, въ цвѣткѣ велитъ ему бросить сѣмя къ осени, и въ насъ велитъ намъ безсознательно жаться другъ къ другу“,—написать такъ, это велѣніе Духа признать, а велѣніе мыслить—отвергнуть.

Конечно, мысль Толстого несостоятельна или, по крайней мѣрѣ, не додумана до конца. Ошибка его заключалась въ томъ, что онъ, противорѣча себѣ, осуждалъ сознание цѣликомъ, что и произвольно, и по существу нелѣпо. Онъ былъ бы правъ, если бы только дифференцировалъ работу сознания и утверждалъ, что есть правые пути мысли и есть неправые, другими словами—что есть мысли органическія и постольку закономѣрныя, „природныя“, и есть мысли призрачныя и потому произвольныя; ибо такова дѣйствительно свобода сознанія, что оно способно очень далеко уходить отъ существенности духа и рождать на периферіи въ безчисленномъ множествѣ мнимыя видѣнія или полныя формы, и итъ у человѣка другого средства различать въ этомъ хаосѣ реальныхъ, полуреальныхъ и вовсе пустыхъ умозрѣній, кромѣ провѣрки ихъ болѣе, чѣмъ они, прочными содержаніями своего духа, наприм.,—какъ этого хотѣлъ Толстой,—врожденными потребностями добра и красоты. Толстой какъ будто чувствуетъ это, мѣстами даже близко подходитъ къ такому пониманію (таковъ конецъ „Казаковъ“), но не даетъ себѣ яснаго отчета и явно склоняется къ огульному осужденію дискурсивнаго мышленія.

Въ концѣ-концовъ, онъ искалъ свою истину тѣмъ единственнымъ способомъ, какой изначально предугазанъ человѣку: прислушиваясь къ своимъ внутреннимъ голосамъ и объективируя ихъ велѣнія. По мѣрѣ того, какъ эти голоса въ немъ крѣпли, онъ утверждался въ мысли, что они всеобщы и исключительны. Это, конечно, самообманъ, но, во-первыхъ, какъ сказано, другихъ путей самоопредѣленія нѣтъ, а во-вторыхъ, въ этомъ заблужденіи есть зерно правды, потому что неодолимость личной склонности несомнѣнно свидѣтельствуетъ о частичной, по крайней мѣрѣ, но подлинной „природности“ даннаго устремленія. Чѣмъ сильнѣе и своеобразнѣе натура, тѣмъ увѣреннѣе человѣкъ провозглашаетъ свои собственныя влеченія универсальными; это и есть та органичность мысли, о которой выше была рѣчь: онъ въ себѣ дошелъ до грунта, — а грунтъ одинъ во всѣхъ людяхъ. Толстой уже въ юности былъ склоненъ съ безотчетной увѣренностью обобщать свой личный опытъ и узаконять всемірно свою собственную волю. Пройдутъ годы, онъ окончательно—правда, очень поздно—найдетъ себя въ опытѣ и въ сознаніи, — тогда онъ съ огромной силою и съ фанатической односторонностью обрушится на все, что идетъ вразрѣзъ съ его личнымъ образомъ совершенства, и безсмѣннымъ орудіемъ его въ этой

борьбѣ будетъ именно категорическое утверждение, что только этотъ вынужденный имъ изъ собственнаго духа идеаль и есть природный законъ человѣческаго духа, одинъ и исключительно основанъ на „инстинктивныхъ, блаженнѣйшихъ первобытныхъ потребностяхъ“ человѣка,—на подлинномъ грунтѣ; все же другое, какъ наука, цивилизація, обрядовыя религіи и пр., построено какимъ-то страннымъ образомъ на воздухѣ. И здѣсь его нисколько не будетъ смущать фактъ повсюдности и многовѣковой длительности этихъ лжеобразованій, и онъ не потщится размыслить, чѣмъ же держатся они и чѣмъ вызваны къ жизни, т.-е. не суть ли и они проявленія какой-либо „инстинктивной потребности“. Съ рѣдкою въ исторіи увѣренностью онъ противопоставитъ опыту вѣковъ свой внутренній опытъ, и эту, несомнѣнно ошибочную увѣренность мы должны признать не только вполне законною, но и должны видѣть въ ней свидѣтельство о томъ, что Толстой дѣйствительно принесъ какую-то новую вѣсть о мирѣ. Не важно, согласовано ли во всѣхъ частяхъ ученіе Толстого, или полно противорѣчій, подтверждается ли въ цѣломъ или въ частяхъ уроками исторіи: единственно важно узнать отъ него, что онъ, въ результатъ такого глубокаго и искренняго личнаго опыта, узналъ въ себѣ, какъ непреложные законы духа. Легко ли жить, когда безчисленныя влеченія борются въ нашей душѣ, а сознаніе по невѣжеству сплошь и рядомъ поддерживаетъ среди ихъ случайныя противъ коренныхъ и тѣмъ ведетъ насъ къ страданію и раскалю? Тутъ важенъ всякій дѣльный совѣтъ, а всего важнѣе показанія людей, имѣвшихъ опытъ большій, чѣмъ я: хоть въ малой мѣрѣ, но все же сознаніе поучится у нихъ, къ какимъ элементамъ воли оно должно быть бережнѣй, къ какимъ безпощаднѣй. Это уже не „умозрѣнія“, это вещи величайшей практической цѣнности, подобно тому, какъ врачъ, открывъ бациллу какой-нибудь болѣзни, прививаетъ ее самому себѣ, рискуя жизнью: онъ дѣлаетъ этотъ опытъ для всѣхъ людей и тѣмъ оказываетъ имъ услугу. Такъ точно мыслители и художники, каждый въ мѣру своихъ силъ, дѣлаютъ надъ собою общечеловѣческіе опыты и сообщаютъ намъ ихъ результаты, съ той разницей, что здѣсь опытъ не доброволенъ, а внутренне-принудителенъ, и что важность ихъ свидѣтельствъ настолько же больше, насколько ежедневнѣ эти нормальныя функціи духа, нежели тотъ рѣдкій плотскій недугъ.

Я указалъ положительную особенность внутренней работы Толстого; необходимо отмѣнить и ея отрицательную особенность. Исканія Толстого ни въ малѣйшей долѣ не метафизичны: они исключительно психологичны. Очень часто у людей сильнаго духа процессъ самоопредѣленія сопровождается какими-то увѣренными откровениями о природѣ Божества и міра, о предустановленной цѣли мірозданія и человѣческой исторіи. Таковы были, на примѣръ, Шеллингъ, нашъ Чаадаевъ. Толстому все это

совершенно чуждо, и въ этомъ пунктѣ онъ разительно схожъ съ Гоголемъ. Ему, какъ всякому человѣку, нужно было опредѣлить себѣ твердыя правила поведенія; какъ художественная натура, онъ рано былъ очарованъ гармоничностью внѣшней природы; и вотъ, только природою и собственной психикой ограничился кругъ его интересовъ, по формулѣ Эпиктета, приведенной выше. Его не влекло ни за грань или въ таинственныя нѣдра естества, ни въ тайники собственного духа, потому что онъ не умѣлъ двигаться иначе, какъ съ фонаремъ мысли. Онъ природу называлъ предѣломъ-Богомъ, а въ себѣ не хотѣлъ ничего узаконить, чего не могло бы понять и одобрить сознание. Къ его методу больше всего подходитъ опредѣленіе, признающее психологию отраслью естественныхъ наукъ.

За тотъ періодъ, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, Толстой не добился ясности въ самомъ себѣ. Напротивъ, къ моменту своей женитьбы онъ такъ запутался въ своихъ исканіяхъ, что ослабѣлъ и усталъ, и надолго оставилъ ихъ, какъ онъ объ этомъ правдиво повѣствуетъ въ своей „Исповѣди“. Ближайшія 13 или 14 лѣтъ (1863—1876) онъ пробавлялся тѣмъ малымъ запасомъ уже провѣренныхъ на опытѣ влеченій и одобренныхъ сознаниемъ идей, какой онъ успѣлъ накопить до того. Что базированными на грунтѣ оказались къ этому времени только влеченія и идеи элементарныя и невысокаго разбора, объ этомъ—разумѣется, съ преувеличеніемъ—свидѣтельствуетъ та же „Исповѣдь“, гдѣ онъ характеризуетъ свои тогдашнія стремленія, какъ голый эгоизмъ: „чтобы мнѣ съ семьей было какъ можно лучше“. Вѣрно то, что „потребность добра“ пока не сказалась въ немъ и не была имъ признана, какъ природная, т.-е. какъ непреложная и дающая наибольшее счастье.

Но совершенно невѣрно онъ изображаетъ въ „Исповѣди“ цѣль и смыслъ своихъ писаній за эти дальнѣйшія полтора десятилѣтія. Онъ говоритъ, что смотрѣлъ тогда на свое писательство исключительно какъ на средство къ пріобрѣтенію денегъ и извѣстности и къ заглушенію въ душѣ всякихъ вопросовъ о смыслѣ своей и общей жизни, и что поучалъ онъ въ своихъ писаніяхъ тому же, что было истиной для него,— что надо жить такъ, чтобы самому съ семьей было какъ можно лучше. Мы не будемъ изслѣдовать, насколько послѣднія слова вѣрно опредѣляютъ нравственную атмосферу, которою дышать герои его двухъ большихъ романовъ. Рѣчь идетъ въ первой линіи о „Войнѣ и мирѣ“. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что писаніе этого романа было продолженіемъ тѣхъ же душевныхъ исканій Толстого, только перенесенныхъ изъ сферы личной въ общую сферу и съ плоскости моральной на почву исторической психологіи. „Война и миръ“—передышка во внутренней работѣ Толстого, использованная имъ на то, чтобы произвести нѣкоторое научно-художественное изслѣдованіе, необходимое ему для его дальнѣйшаго дви-

женія. Въ произведеніяхъ 1855—1862 годовъ Толстой неизмѣнно ставилъ вопросъ: какъ долженъ жить каждый отдѣльный человѣкъ, чтобы прожить счастливо и гармонично; въ принципѣ отвѣтъ у него былъ готовъ: надо жить, повинаясь естественнымъ и основнымъ законамъ духа, подавляя влеченія искусственныя и призрачныя. Но трудность оказалась именно въ томъ, какъ опредѣлить тѣ законныя побужденія, вложенныя въ человѣка самой природой; въ этой трудности Толстой и запутался, — и вотъ теперь, въ „Войнѣ и мирѣ“, онъ, какъ естествоиспытатель, старается объективно изучить психическій механизмъ человѣческаго бытія, единоличнаго и массоваго (историческаго), равно какъ и механизмъ взаимоотношенія массы и личности, или иначе: выяснитъ составъ и представитъ классификацію мотивовъ человѣческаго поведенія *въ порядкѣ ихъ убывающей существенности* („природности“). Въ работѣ надъ „Войной и миромъ“ онъ накопилъ огромный матеріалъ для рѣшенія этого вопроса, и когда вдругъ, въ концѣ 70-хъ годовъ, вернется къ своему личному дѣлу самоопредѣленія (а вернется онъ отчасти именно подъ вліяніемъ накопленнаго имъ въ промежуткѣ психологическаго знанія, отчасти же въ силу новаго личнаго опыта), онъ будетъ располагать для рѣшенія не только лучшимъ знаніемъ себя, но и замѣчательной освѣдомленностью въ практической психологии вообще, больше того — системою увѣренныхъ познаній въ вопросахъ духа, построенной, разумѣется, по его личному образу и подобию. Ему останется тогда послѣдняя, но и труднѣйшая часть задачи: признать *лично для себя обязательными* тѣ законы духовной жизни, которые онъ констатировалъ и въ себѣ, и въ другихъ людяхъ, какъ подлинно-природныя, и ради нихъ отказаться отъ всѣхъ влеченій, которыя имъ противорѣчатъ или которыя непосредственно открылись ему, какъ произвольныя или искусственныя. Этотъ послѣдній этапъ составляетъ содержаніе его тяжелой душевной драмы конца 70-хъ годовъ, изъ которой онъ наконецъ выноситъ окончательное рѣшеніе своего личнаго и вмѣстѣ общечеловѣческаго вопроса: какъ должно жить по законамъ Всемирнаго Духа, — Deus sive natura.

VII.

Въ заключеніе сказаннаго хочу отмѣтить, какое мѣсто занимаютъ отдѣльныя произведенія изучаемаго періода въ отношеніи къ главнѣйшему вопросу, волновавшему Толстого въ эти годы. Выше было уже неоднократно указано, что всѣ эти произведенія, — какъ, впрочемъ, и *всѣ* вообще писанія Толстого, начиная даже съ самаго ранняго, съ „Дѣтства“, — носятъ ярко-проповѣдническій, или, какъ говорятъ, идейный характеръ. Объективныхъ словесныхъ произведеній не бываетъ, какъ не бываетъ въ отдѣльномъ умѣ объективнаго міровоззрѣнія; но художники различаются, во-первыхъ, по степени сознательности или

умышленности, съ какою они демонстрируютъ въ образахъ свое постижение міра, во-вторыхъ, по объему, какой занимаетъ въ ихъ постижении и проповѣди *этический* элементъ. „Русалка“ Пушкина не навязываетъ намъ никакой идеи, хотя нѣкоторая идея наполняетъ ее какъ воздухъ; въ „Пѣсни торжествующей любви“ Тургеневъ сознательно ставитъ предъ нами свое созерцаніе, но созерцаніе вещи космической; наконецъ, въ „Преступленіи и наказаніи“ Достоевскій сознательно же рѣшаетъ вопросъ этический. Всѣ произведенія Толстого принадлежать къ этому послѣднему разряду, т.-е. въ каждомъ изъ нихъ онъ съ заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ проводить какую-нибудь этическую идею. Только въ „Войнѣ и мирѣ“, какъ сказано, этический элементъ сравнительно слабъ (по замыслу автора); этотъ романъ относится скорѣе ко второй изъ трехъ названныхъ категорій.

Шесть произведений 1855—1859 годовъ: „Заниски маркера“, „Встрѣча въ отрядѣ“, „Альбертъ“, „Люцернъ“, „Три смерти“ (первая часть, смерть барыни) и отчасти мало-выразительное „Семейное счастье“, имѣютъ цѣлью показать, какъ *уродлива* и *несчастлива* жизнь, уклонившаяся отъ „инстинктивныхъ, блаженнѣйшихъ“ потребностей духа,—отъ природы; три—„Два гусара“, „Метель“ и „Поликушка“ рисуютъ эпическую мощь и простоту, а въ первомъ случаѣ—и красоту жизни, близкой къ природѣ. Наконецъ, „Казаки“ иллюстрируютъ обѣ части этой двуединой идеи, какъ то частично уже раньше было испробовано Толстымъ въ сопоставленіи Турбина-отца и Турбина-сына („Два гусара“), барыни и мужика („Три смерти“), поэта и толпы („Люцернъ“). Всего полнѣе и глубже идея эта трактована въ „Казакахъ“, о которыхъ уже была рѣчь и къ которымъ больше нѣтъ надобности возвращаться. Общимъ признакомъ остальныхъ произведений является то, что идея ни въ каждой изъ нихъ, ни отъ одной къ другой не эволюционируетъ. Толстой нѣсколько лѣтъ какъ бы топчется на одномъ мѣстѣ и довольствуется однообразнымъ изложеніемъ своей мысли, только въ разныхъ примѣненіяхъ или вариантахъ. Повидимому, только смерть брата, осенью 1860 года, сдвинула его, да и то не на много, съ мертвой точки; тогда и были написаны „Казаки“ (начаты въ Герѣ, см. Бирюковъ, т. I, стр. 402).

„Записки маркера“ любопытны по формѣ. Вложить рассказъ о паденіи, о растленіи первоначально чистой души въ уста далекаго отъ всякихъ идей трактирнаго слуги—это былъ остроумный приемъ, гарантировавшій читателя противъ голой морализаціи; должна была получиться только зрительная картина безъ логическаго комментарія, т.-е. подлинное искусство. Именно такъ, чисто-пластически, и выдержанъ весь рассказъ; повѣствующій маркеръ не только не морализируетъ, напротивъ, самъ достаточно развращенный, онъ бѣгло освѣщаетъ ходъ событій замѣчаніями, которыя только усиливаютъ колоритъ грѣховности, потому

что внушены духомъ этого самаго городского и трактирнаго разврата. Но, разумѣется, во всемъ другомъ этотъ маркеръ—не маркеръ, а самъ Толстой: рассказывая исторію Нехлюдова совершенно фактически и на видъ безъ всякой цѣли, онъ въ дѣйствительности даетъ такой плано-мѣрный и послѣдовательный подборъ фактовъ и психологическихъ наблюдений, который долженъ въ цѣломъ привести читателя (слушателя) къ очень опредѣленному и совсѣмъ не маркерскому выводу—къ моральной идеѣ Толстого. Противъ такого приема, конечно, нельзя возражать, въ особенноти когда онъ примѣненъ такъ искусно, какъ въ данномъ случаѣ; это неизбѣжная условность искусства. Тѣмъ бы и слѣдовало ограничиться; но Толстой побоялся, что урокъ не достаточно ясенъ, и рѣшилъ прибавить къ баснѣ—мораль. Это была ошибка; не нужно было, чтобы Нехлюдовъ въ предсмертномъ письмѣ разъяснялъ читателямъ смыслъ своей судьбы—какъ онъ погибаетъ оттого, что далъ пустымъ соблазнамъ заглушить въ себѣ присуще человѣческой душѣ благіе порывы, которые онъ такъ ясно чувствовалъ въ юности. Поль Гейзе однажды сострилъ довольно грубо, но мѣтко: всякое художественное произведеніе должно заключать въ себѣ идею, какъ всякій порядочный человѣкъ долженъ имѣть въ карманѣ носовой платокъ; но не хорошо, когда идея и платокъ висятъ концомъ наружу.

„Встрѣча въ отрядѣ“—простая картинка, показывающая только зрительно, безъ комментарія, образъ человѣка, никогда и не имѣвшего нравственныхъ устоевъ и потому рабски зависящаго отъ внѣшнихъ условий: когда эти условія были благоприятны, онъ могъ быть счастливымъ, когда они измѣнили ему, онъ глубоко несчастенъ; но уродливъ онъ равно и тогда, и теперь,—только въ паденіи это уродство его обнаженнѣе и видно всякому. Оттого Толстой и изображаетъ его въ паденіи, а не въ дни счастья, когда его уродство было прикрыто внѣшнимъ блескомъ: цѣль разсказа—устрашить наглядностью.

О „Трехъ смертяхъ“ уже была рѣчь выше, и приведена выдержка изъ письма Толстого къ гр. А. А. Толстой, исчерпывающе уясняющая авторскій замыселъ этого разсказа. Тенденція не испортила его въ цѣломъ, да она и вполне откровенна. Очень хороша концентрація фабулы, въ которой всѣ три части связаны въ бытовомъ единствѣ: везуть умирающую барыню, ея ящикъ на станціи беретъ у умирающаго мужика новые сапоги, обѣщая за то поставить крестъ надъ его могилой, и наконецъ третья смерть—смерть дерева, срубаемаго этимъ ящикомъ на крестъ по обѣту. Этимъ прелестнымъ приемомъ Толстой впослѣдствіи часто пользовался, здѣсь—впервые. Въ этомъ же разсказѣ впервые обнаруживается склонность Толстого къ шаржу на почвѣ его излюбленнаго противопоставленія естественнаго—искусственному, простаго—сложнаго, цивилизаціи—природѣ и т. п.,—склонность, такъ рѣзко обнаруживающаяся въ его позднѣйшихъ произведеніяхъ, на примѣръ, въ „Пло-

дахъ просвѣщенія“, въ „Воскресеніи“ и пр. Не только сама умирающая барыня, но и всѣ окружающіе ея господа, мужъ, докторъ и др., представлены какими-то мизерными, развинченными людьми, съ афектаціей и тонкой фальшью; напротивъ, всѣ простые, начиная съ горничной, естественны и крѣпки, и прекрасны своей простотой; о деревѣ и лѣсѣ уже говорить нечего: тутъ Толстой не знаетъ другихъ эпитетовъ, кромѣ „величаво“, „радостно“, „спокойно“, „счастливо“. Это подчеркиванье несомнѣнно вредитъ художественности цѣлаго.

Въ „Семейномъ счастьи“ Толстой демонстрируетъ свою идею въ примѣненіи къ вопросамъ любви и брака; онъ показываетъ, какъ опасна—не вообще для счастья и силы человѣка, а специально для его семейнаго счастья—„жизнь разсѣянная, свѣтская, въ которой пропадаютъ всѣ хорошія, честныя, чистыя мысли и чувства“. Не потому, конечно, что онъ самъ незадолго пережилъ сходное увлеченіе (какъ говорятъ,—молоденькой дѣвушкой, Талызиной), а исключительно ради вящей наглядности, онъ сдѣлалъ героя пожилымъ, угмонившимся, а героиню—молодою и жаждущей той разсѣянной жизни. Оба они—здоровыя, крѣпкія натуры, но ей еще нужно изжить „весь вздоръ жизни, чтобы вернуться къ самой жизни“, онъ же давно живетъ въ „самой жизни“, т.-е. согласно тѣмъ честнымъ, чистымъ мыслямъ и чувствамъ. Тогда, короткое время до брака, и она жила такъ же, и оттого ихъ любовь тогда была прекрасна; но вотъ она бросается въ жизнь призрачную и ложную, и возможно, что она погибла бы въ ней, какъ Нехлюдовъ, если бы ее не спасла любовь къ такому мужу. Въ концѣ повѣсти героиня окончательно возвращается къ „самой жизни“, но какъ много потеряли въ „свѣтѣ“ и она, и ея любовь! Теперь она опять будетъ жить съ мужемъ въ любви и дружбѣ,—но это уже не та любовь, „нѣтъ ужъ въ ней силы и сочности“, та любовь „вся выболѣла“.

Въ „Альбертъ“ и „Люцернѣ“ показаны какъ элементарная власть поэзіи надъ людскими сердцами, такъ и слѣпота сознанія, мѣшающая людямъ увидѣть, что въ поэзіи—ихъ счастье. Оба разсказа подробно комментированы: „Люцернѣ“—отъ лица автора, выступающаго здѣсь открыто въ роли публициста, „Альбертъ“—отъ лица самого галлюцинирующаго Альберта, чьи мысли, съ немалой натяжкой, вложены въ уста призрака—его покойнаго друга. Въ обоихъ случаяхъ комментарий гласитъ одинаково: искусство—величайшее благо въ жизни, и вы всѣ безотчетно любите его, но вы ослѣплены „вздоромъ жизни“ и не сознаете, чего вамъ надобно; этимъ вы сами отнимаете у себя радости, поэтому же вы не цѣните служителей искусства, вашихъ благодѣтелей, и даете имъ погибнуть. Въ этихъ двухъ разсказахъ особенно чувствуется предубѣжденность Толстого; художественная правда не соблюдена, такъ какъ не дано голоса „вздору жизни“ для самооправданія.

До извѣстной степени этотъ упрекъ долженъ быть сдѣланъ всѣмъ

разсказамъ первой группы, т.-е. рисующимъ жизнь, отпавшую отъ природы. Прокурорство Толстого сказывается здѣсь вѣдь не только въ публицистическихъ отступленіяхъ и подчеркиваніяхъ,—оно вторгается и въ самое изображеніе; оно заставляетъ Толстого невольно подбирать факты односторонне и пристрастно и этотъ подборъ выдавать за типичную вырѣзку изъ дѣйствительности; читатель настораживается, становится подозрителенъ,—онъ безсознательно не вѣритъ художнику, и, значитъ, искусство не достигаетъ своей цѣли. Гибель Нехлюдова въ „Запискахъ маркера“ не обязательна и даже маловѣроятна, судьба Альберта и тирольскаго пѣвца нисколько не типичны для положенія художника въ обществѣ, или во всякомъ случаѣ краски здѣсь очень сгущены, какъ и въ изображеніи умирающей барыни, и т. д.

Отъ этого упрека свободны тѣ три разсказа, въ которыхъ Толстой рисовалъ жизнь, съ его точки зрѣнія положительную. Здѣсь онъ дѣйствуетъ „съ чистой совѣстью“, и потому свѣтель и свободенъ, тогда какъ тамъ, не давая грѣху оправдываться, онъ безсознательно чувствовалъ себя несправедливымъ и оттого нервничалъ, грубо оскорблялъ грѣхъ, впадалъ на каждомъ шагу въ натяжки и преувеличенія. Здѣсь онъ свѣтель и спокоенъ; въ умилени всегда больше душевной правды, чѣмъ, при одинаковыхъ условіяхъ, въ хулѣ. „Метель“—несомнѣнно тенденціозный разсказъ; тенденція его та же, что и написанной почти одновременно съ нимъ (1856—57 г.) тургеневской „Поѣздки въ Польшу“: изобразить человѣка, еще не отпавшаго отъ природы, живущаго органически въ ней. Притомъ оба художника для наглядности примѣнили одинъ и тотъ же приемъ: поставили этого природнаго человѣка лицомъ къ лицу съ такимъ явленіемъ природы, гдѣ она, казалось бы, особенно поражаетъ ужасомъ слабый духъ смертнаго,—и показали, что природный человѣкъ не чувствуетъ ужаса, но остается свободенъ и силенъ, въ чемъ и обнаруживается его неразорванная сыновность ей. Тургеневъ захотѣлъ рѣзко очертить свою мысль, чтобы она стала всемъ ясна во всемъ своемъ объемѣ; для этого онъ противопоставилъ группѣ природныхъ людей—себя, оторваннаго отъ природы работою сознанія и теперь трепещущаго передъ стихіей. Толстой съ тонкимъ художественнымъ чувствомъ на этотъ разъ сдержался: его баринъ, вѣдущій сквозь метель,—только зритель, а самъ до себѣ нейтраленъ; онъ здѣсь только для того, чтобы подсмотреть и разсказать намъ, какъ дѣти-люди играли со своей матерью-стихіей. Весь смыслъ разсказа—въ картинѣ этой игры. Эти ямщики, весело балагурящіе, хлопающіе рукавицами, бѣгающіе по степи за оторвавшимися лошадьми, бодро покрикивающіе среди страшной метели,—они въ нашемъ впечатлѣніи дѣйствительно сливаются съ нею въ одно, они весело возятся съ нею, ворчатъ и бѣгаютъ кругами,—ни дать, ни взять, какъ щенки съ матерью, когда она не подпускаетъ ихъ къ

себѣ, и лежа рычить на нихъ, огромная и съ виду страшная, но для нихъ родная.

Точно таковъ, но безъ сравненія тоньше сдѣланъ, рассказъ „Поликушка“; здѣсь Толстой попытался уже не извнѣ и въ общихъ только чертахъ изобразить душу природнаго человѣка, но какъ бы раскрыть ея физиологію. И его любовно-пристальное изслѣдованіе дало чудесный результатъ; читатель не спрашиваетъ, не подозрѣваетъ: онъ безотчетно побѣжденъ правдою этого образа — и его удивительной красотой. До сихъ поръ Толстой—въ Севастопольскихъ рассказахъ, въ „Метели“, въ „Трехъ смертяхъ“—зарисовывалъ этотъ образъ только эскизно; теперь онъ впервые рѣшился показать,

*Что сквозитъ и тайно светитъ
Въ красоту его смиренной.*

Онъ не былъ въ этомъ дѣлѣ новаторомъ: то же самое и, главное, съ тою же цѣлью сдѣлалъ незадолго передъ нимъ Тургеневъ въ „Запискахъ охотника“. Трогательные образы Калиныча, Касьяна и др. еще были у всѣхъ въ памяти, когда Толстой—тоже на чужбинѣ, какъ и Тургеневъ,—съ умиленіемъ вспоминалъ русскую простую душу („Поликушка“ былъ написанъ въ Брюсселѣ).

О „Двухъ гусарахъ“ нѣтъ надобности много говорить. Этотъ рассказъ, написанный, правда, года за четыре до „Поликушки“, построенъ на рѣзкихъ эффектахъ, предназначенныхъ выпукло представить все ту же красоту непосредственной и, стало быть—по мысли Толстого,—доброю природы въ человѣкѣ. Только огромное дарованіе Толстого было способно такъ, сравнительно успѣшно, работать въ ярмѣ, которое налагала на него предвзятая мысль.

Наконецъ, „Холстомѣръ“ (1861 г.) есть одно изъ наиболѣе откровенно-тенденціозныхъ произведеній Толстого за изучаемый нами періодъ. Это, конечно, вовсе не „исторія лошади“: это обвинительный актъ противъ испорченнаго человѣчества, вложенный, съ непростительной натяжкой, въ уста и сознаніе лошади. Весь внѣшній, описательный покровъ этой повѣсти—выше всякой похвалы; но именно реализмъ внѣшней картины уличаетъ въ грубой фальши ея психологическую канву: такое сознаніе можно было бы вложить только въ лошадь фантастическую и по поведенію, по роду жизни, и такъ сдѣлалъ Свифтъ. Поразительно недоувѣріе Толстого къ своей художественной силѣ,—или, нѣтъ, вѣрнѣе къ убѣдительности той идеи, которой онъ хотѣлъ служить своимъ искусствомъ. Онъ прибѣгаетъ ко всевозможнымъ хитростямъ, чтобы заставить насъ повѣрить въ правильность его мысли: то накладываетъ чрезмѣрно густыя краски, то дѣйствуетъ при помощи рѣзкихъ контрастовъ. Теперь онъ придумалъ, казалось бы, самый побѣдоносный приемъ: онъ хочетъ вырвать читателя совсѣмъ вонъ изъ круга его ложныхъ, заста-

рѣлыхъ, общераспространенныхъ чувствъ и представлений, и заставить его взглянуть на эту свою ложь глазами существа, живущаго вполне жизнью подлинною, существенной: глазами лошади! Эта лошадь,—разумѣется, не лошадь, уже потому, что тотъ, кто живетъ въ „самой жизни“, не видитъ въ этомъ никакой заслуги, какъ, на примѣръ, Поликушка. Эта лошадь—самъ Толстой; и вотъ Толстой, въ шкурѣ Холстомѣра, развиваетъ свою любимую мысль: что люди разучились узнавать и цѣнить сущности, а руководятся вмѣсто того пустыми порожденіями своего мозга—иллюзіями, словами. „Люди руководятся въ жизни не дѣлами, а словами. Они любятъ не столько возможность дѣлать или не дѣлать чего-нибудь, сколько возможность говорить о разныхъ предметахъ условленные между ними слова. Таковыя слова, считающіяся очень важными между ними, суть слова: мой, моя, мое, которыя они говорятъ про различныя вещи, существа и предметы, даже про землю, про людей и про лошадей“; и т. д.

Толстой не ограничился, конечно, только словесной формулировкой обвинения: онъ показываетъ реальные плоды такого самообмана. Плоды эти двоякаго рода: своимъ ложнымъ представленіемъ о вещахъ люди губятъ и вещи, и самихъ себя. Повинуясь своимъ нелѣпымъ выдумкамъ, люди коверкаютъ природу; жизнь Холстомѣра исковеркана потому, что у людей пѣгій цвѣтъ лошади считается некрасивымъ, и оттого, что у нихъ существуетъ слово „мое“: за то, что онъ былъ пѣгій, ему не дали ходу, его охолостили, и его продавали изъ рукъ въ руки. А самъ человѣкъ счастливъ лишь до тѣхъ поръ, пока по какому-то фокусу, что онъ называлъ: „мое“, не начнутъ называть такъ другіе люди; такъ какъ его сила и довольство опирались не на существо вещей, а только на этотъ людской самообманъ, то онъ и зависить всецѣло отъ круговращенія этого обмана. Въ заключеніе Толстой еще добавилъ голую „мораль“, вродѣ: „Вотъ злонравія достойные плоды“. Какъ ни истерзана лошадь въ угоду людской лжи, она все же до конца сохраняетъ „спокойствіе сознательной красоты и силы“, а когда умираетъ, всѣ части ея дряхлаго тѣла еще великодушно идутъ на потребу людямъ и волчатамъ, все потому, что лошадь вѣрно исполняла завѣты природы, не измѣняла существу вещей; а отпавшій отъ существа человѣкъ, едва только ложь повернется противъ него, тотчасъ впадаетъ въ жалчайшее состояніе и физически, и морально; когда же онъ, наконецъ, умеръ, то „ни кожа, ни мясо, ни кости его нигуда не пригодились“.—Какой-нибудь путникъ могъ бы изъ этихъ укоризненныхъ словъ Толстого вывести такое умо-заключеніе: значить, ежели бы Серпуховской жилъ по правдѣ, какъ велитъ Толстой, его кожа, мясо и кости послѣ смерти еще послужили бы кому-нибудь на пользу!

М. Гершензонъ.

Мистическій имперіализмъ.

I.

Въ октябрѣ 1913 г. въ Англи умеръ на 51-мъ году отъ рожденія профессоръ исторіи Джонъ Адамъ Крембъ (Stamb), надъ которымъ судьба зло посмѣялась. Если не совсѣмъ оригинальный мыслитель, не творецъ выдающихся ученыхъ трудовъ и далеко не плодовитый писатель, онъ все же былъ далеко не заурядный профессоръ и лекторъ. Свой предметъ онъ несомнѣнно зналъ глубоко, и эрудиція его или, если хотите, его начитанность была обширна, разнообразна и систематична. Кромѣ большихъ, серьезныхъ знаній, онъ обладалъ великимъ чутьемъ писателя, тѣмъ именно талантомъ, который изъ простаго изложенія мысли или факта дѣлаетъ художественное произведение, увлекательное, волнующее, возвышающее. Въ этомъ отношеніи Крембъ какъ бы продолжалъ манеру другихъ выдающихся англійскихъ историковъ-писателей, какъ Гиббона, Маколея, Карлейля, Рескина (напримѣръ, историческіе очерки послѣдняго „St. Mark, Rest, Pleasures of England“ и др.). И тѣмъ не менѣе Крембъ умеръ почти въ полной неизвѣстности. Не только широкая публика о немъ ничего не знала, но даже среди специалистовъ-историковъ его имя наврядъ ли было многимъ знакомо хотя бы и въ самой Англии. Лондонскій еженедѣльникъ *Athenaeum*, помѣщающій обыкновенно некрологи и о самыхъ мелкихъ ученыхъ и писателяхъ, не отмѣтилъ его смерти даже строчкой. Но едва прѣшло полгода съ тѣхъ поръ, какъ тѣло Кремба было опущено въ могилу, и о немъ стали говорить все больше и больше, и теперь найдется уже въ Англии не много людей, среди интересующихся имперскими вопросами (а кто теперь ими не интересуется?), которые бы не знали имени Кремба или не были бы знакомы съ его сочиненіями. Весною 1914 г. издано было вдовою его собраніе лекцій, прочитанныхъ имъ въ февралѣ и мартѣ предшествовавшаго года подъ общимъ заглавіемъ „Германія и Англія“. ¹⁾ Моментъ

¹⁾ Эта книга недавно появилась въ русскомъ переводѣ.

оказался чрезвычайно благоприятнымъ. Книга сразу завладѣла вниманіемъ; книжные магазины поспѣшили выставить ее въ своихъ окнахъ и витринахъ, и черезъ какой-нибудь мѣсяцъ появилось уже второе изданіе, а тамъ съ объявленіемъ англо-германской войны потребовалось уже третье, четвертое и дальнѣйшія изданія.

Недавно вышла новая книга того же Дж. Кремба, но новая она только потому, что первое изданіе ея, вышедшее въ 1900 г., не только уже было совершенно позабыто, но и при появленіи своемъ не обратило на себя никакого вниманія. Теперь эта же самая книга „Происхожденіе и судьба имперской Британіи“ (The Origins and Destiny of Imperial Britain) ¹⁾ раскупается нарасхватъ, и газеты посвящаютъ ей цѣлые столбцы отзывовъ.

И нужно отдать справедливость нашему времени, которое куда болѣе правильно оцѣниваетъ значеніе покойнаго историка, чѣмъ это сдѣлало прежнее время. Крембъ несомнѣнно является пророкомъ особаго империализма, котораго не проповѣдовалъ ни Сили, ни Джозефъ Чемберленъ, ни Чарльзъ Дилкъ. Его империализмъ шире, глубже и ярче. Онъ черпаетъ свое начало въ темныхъ, отдаленно-историческихъ глубинахъ расоваго духа и теряется въ безконечности невѣдомаго будущаго. Крембъ сводитъ империализмъ къ его первоосновамъ и связываетъ его съ той таинственной силой, которая правитъ судьбами народовъ и всего сущаго. Его империализмъ не есть „политика“, торговая, территоріальная или другая, это не моментъ экономической или капиталистической эволюціи, а нѣчто куда болѣе важное и многообъемлющее. Свою, такъ сказать, теорію империализма и свои взгляды на общее развитіе империализма Англии, на его судьбы и пр. онъ даетъ въ „Origins and Destiny“. Многое изъ сказаннаго въ этой книгѣ повторяется имъ и въ его книгѣ „Германія и Англія“, но послѣдняя все же имѣетъ дѣло главнымъ образомъ уже, такъ сказать, съ конкретнымъ империализмомъ, съ практической стороною проблемы, насколько держава приходитъ въ столкновеніе съ другою державою, а именно Англія съ Германіей, конфликтъ съ которой съ такой трагической ясностью, точно одаренный даромъ Кассандры, предсказывалъ и предвидѣлъ для Англии Крембъ.

II.

Крембъ страстно вѣритъ въ англійскій империализмъ, или, точнѣе, въ способности и въ извѣчную миссію англійскаго народа осуществить имперскіе идеалы. Для него „имперскія расы“ родятся, а не дѣлаются,

¹⁾ Въ первомъ изданіи она носила заглавіе „Reflections on the origins and destiny of Imperial Britain“.

и онъ считаетъ ошибочнымъ мнѣніе, будто въ свое время каждая раса переживаетъ періодъ всемірнаго господства. „Исторія,—говоритъ онъ,— не подтверждаетъ этого повѣрія. Пустыни прошлаго усѣяны обломками націй, никогда вообще не господствовавшихъ, и кругомъ насъ живутъ расы, которымъ никогда не суждено быть имперскими“. ¹⁾

Но что такое имперія и имперіализмъ вообще и британскій имперіализмъ въ особенности? Имперіализмъ, это,—говоритъ онъ,—патриотизмъ, пронизанный свѣтомъ великихъ стремленій человѣчества. Это—огонь, горѣвшій въ сердцахъ борцовъ при Мараонѣ, Бородинѣ или Трафалгарѣ, и раздуваемый въ болѣе яркое пламя идеалами Кондорсе, Шелли или Фихте. Таковъ идеаль, и въ сознательной рѣшимости осуществить этотъ идеаль во всѣхъ своихъ владѣніяхъ отъ края до края кроется то, что Крембъ называетъ судьбою имперской Британіи.

Замѣтите, что онъ вездѣ говоритъ объ „имперской Британіи“, Imperial Britain, а не британской имперіи, British Empire, какъ вообще принято говорить не только у историковъ и въ газетахъ, но и въ официальныхъ документахъ. Объясняется это, конечно, всей его мистической и психологической точкой зрѣнія на британскій имперіализмъ. Онъ говоритъ не о территорияхъ, связанныхъ съ представленіемъ о „британской имперіи“, не объ Индіи, Египтѣ, Австрали или Канадѣ, а о той скрытой, внутренней, духовной силѣ расы, которая, какъ въ прошломъ, продолжаетъ и теперь ткать свою имперскую ткань, продолжаетъ проводить какія-то невидимыя, но крѣпкія нити между отдаленными частями земного шара и связывать ихъ въ одно прекрасное цѣлое. Эта внутренняя сила, являющаяся даромъ Провидѣнія и избирающая ту или другую расу лишь своимъ сосудомъ, также подлежитъ закону движенія и роста, какъ и все живое на свѣтѣ, и Крембъ посвящаетъ въ своей книгѣ „Origins and Destiny“ большую главу исторіи роста имперіалистскаго духа въ Англии, связывая его съ ростомъ и очищеніемъ религиозныхъ идеаловъ и тѣми тяжелыми національными испытаніями, которыя, по его мнѣнію, служатъ необходимой основой человѣческаго развитія. Онъ называетъ эту стадію страданій, черезъ которую обязательно проходитъ всякое прогрессирующее сознаніе, все равно индивида или націи, „закономъ трагедіи въ исторіи“. Имперіи являются лишь воплощеніями божественныхъ идей, и эти идеи находятъ свое осуществленіе при помощи того же универсальнаго и всемогущаго принципа борьбы и страданій, который мы видимъ въ эволюціи матеріальнаго міра.

Имперіализмъ, составляя, по мысли Кремба, дальнѣйшую и высшую стадію исторіи народовъ, тѣмъ самымъ представляетъ собою и высшую духовную цѣнность, чѣмъ націонализмъ. Нужно сказать, что первое изда-

¹⁾ „Origins“, 112.

ше „Origins“ вышло во время бурской войны, когда совѣсть англичанъ, разрушавшихъ національную независимость маленькаго фермерскаго народа, была далеко не спокойна, и когда отовсюду на нихъ сыпались упреки и укоры, чуть ли не въ такой же степени, какъ теперь сыплется на Германію изъ-за Бельги. Для оправданія империализма, нашедшаго тогда свое выраженіе именно въ этой бурской войнѣ, Крембу поэтому пришлось съ особой силой подчеркнуть разницу въ духовномъ значеніи между низшей формой государства, націонализмомъ, и высшей, империализмомъ. Национализмъ самъ по себѣ для Кремба не имѣетъ никакой цѣнности. Это лишь переходное состояніе государства на его пути къ имперіи. Тотъ ореоль, который въ началѣ XIX вѣка сталъ покрывать идею національности, Крембу приписываетъ не достоинствамъ самой этой идеи, не какимъ-либо особымъ цѣностямъ и благамъ, присущимъ національному единству или національной независимости, а идеѣ свободы, съ которой тогда связывалось возстановленіе націи. Национальность не есть окончательная и неизмѣнная форма, въ сторону которой направлена жизнь государства. Если національный идеаль и можетъ быть возведенъ въ великую задачу для одного государства, какъ, на примѣръ, для Италиі или Франціи, то это еще не значить, что вездѣ онъ имѣетъ ту же цѣнность. Крембу считаетъ, что преобладающая въ современной Европѣ форма государства, основанная на національности, есть дѣло римской имперіи, а не идеализма человѣческаго. Изученіе Голландіи, Даниі, Пруссіи, Швециі или Шотландіи не оставляетъ для него сомнѣнія, что принципъ національности ни по происхожденію, ни по цѣлямъ своимъ ничего похожаго на идеалы общечеловѣческіе (humanity) въ себѣ не заключаетъ. „Правда, поэзія и героическія дѣянія въ прошломъ облекли идею національности въ неумирающую славу, но это еще не даетъ основанія считать слово „национальность“ священнымъ, оспариваніе ея—какимъ-то поруганіемъ, нарушеніе ея—преступленіемъ, а уничтоженіе—глубочайшей гнусностью. Исторія Европы и другихъ странъ показываетъ, что и молодая нація можетъ быть очень стара своей испорченностью, что маленькое государство можетъ быть большимъ притѣснителемъ и что право не всегда на сторонѣ слабаго, какъ и несправедливость на сторонѣ сильнаго“.

Чтобы національное государство обратилось въ имперское, какъ это произошло съ Англіей, оно должно быть къ этому подготовлено духовно, и только тогда имперія можетъ быть не только долговѣчной, но и преобразиться въ еще болѣе высшую государственную форму, а смерть ея,—если ей суждено умереть, что, по словамъ Кремба, еще не рѣшено,—какъ и смерть римской имперіи, будетъ не полнымъ исчезновеніемъ, а переходомъ въ новыя формы жизни. Значеніе имперіи, это — развитіе человѣческаго духа, достиженіе высшихъ возможностей человѣческаго

общенія и творчества. Расцвѣтъ литературы, искусства, науки связанъ, по мнѣнью Кремба, съ империализмомъ. Отсюда уже само собою слѣдуетъ то утверждение автора „Origins“, что раньше, чѣмъ стать имперіей, государство должно быть свободнымъ. „Какъ можетъ, — спрашиваетъ Крембъ, — народъ, который самъ не свободенъ, народъ безъ голоса въ собственныхъ дѣлахъ, какъ можетъ онъ сдѣлаться предвѣстникомъ новой эры для другихъ народовъ, герольдомъ высшей свободы для древнихъ расъ въ Инди, полныхъ неугасаемыхъ и гордыхъ воспоминаній о своемъ баснословномъ прошломъ, или для мусульманъ, „Книга“ которыхъ за двѣнадцать вѣковъ до Мирабо провозгласила политическое равенство людей?“

Свобода религиозная и свобода конституціонная, — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — должны быть серьезно упрочены и находиться внѣ опасности быть нарушенными, раньше, чѣмъ имперская политика можетъ смѣло развернуться. Государство, желая быть имперіей, должно также быть раньше всего глубоко религиозно, не въ смыслѣ соблюденія разныхъ обрядовъ и формъ, а въ смыслѣ общенія съ Богомъ, съ высшимъ, объединяющимъ все и скрытымъ отъ насъ Разумомъ. „Только будучи глубоко религиозной и въ то же время чуткой къ вѣрѣ, живущей въ другихъ сердцахъ, раса въ состояніи понимать чужія религіи. Только такая раса и можетъ основать имперію, отличающуюся и свободой и вѣрой“. ¹⁾

Имперская Британія именно тѣмъ крѣпка и велика, что Англія выступила сознательно на империалистическое поприще уже послѣ того, какъ у себя дома она упрочила основы свободного государства, которыя даютъ ей возможность нести знамя свободы и на другіе острова и въ другія страны. И эта возможность есть на самомъ дѣлѣ долгъ. Въ вѣрѣ, въ неугасимой вѣрѣ въ свою судьбу, въ свои силы, въ свою миссію кроется добродѣтель всякой имперской расы, извѣстной въ исторіи. Вотъ почему во время бурской войны Крембъ совѣтовалъ не обращать вниманія на крики негодованія, раздававшіеся противъ Англіи за границей, или на призывы къ смиренію и самоуничженію. Ссылаясь на Геродота и Фукидида, англійскій историкъ утѣшаетъ англичанъ, что „во всѣ вѣка человеческое превосходство, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось, немедленно вызываетъ въ людяхъ или націяхъ мрачную и злобную силу, Безсмертную Зависть, Phthonos, между которой и человеческимъ превосходствомъ устанавливается вѣчная вражда“.

¹⁾ „Origins“, 94.

III.

Выроспій на почвѣ свободы совѣсти и свободы политической и являющійся выраженіемъ духовнаго роста націи, англійскій имперіализмъ въ изображеніи Кремба представляетъ собою такимъ образомъ нѣчто вродѣ нравственнаго движенія, стремленія души къ недосягаемымъ, но вѣчно манящимъ вершинамъ духа. Вотъ какъ онъ опредѣляетъ задачи англійскаго имперіализма, какъ онѣ все болѣе выяснились за послѣднія два съ половиною столѣтія: „внушить всѣмъ въ предѣлахъ его англійскій духъ (english mind); дать всѣмъ, находящимся подъ его властью, способность (power) смотрѣть на жизнь, на прошлое и на будущее съ точки зрѣнія англичанина; распространять въ своихъ предѣлахъ ту высокую религіозную терпимость, которою имперія отличается съ первыхъ дней своего основанія, то благоговѣйное и въ то же время смѣлое отношеніе къ тайнѣ жизни и смерти, которое отличаетъ нашихъ великихъ поэтовъ и мыслителей, и ту любовь къ свободнымъ учрежденіямъ, то исканіе все болѣе высокой справедливости, все болѣе широкой свободы, которыя, правильно или нѣтъ, мы соединяемъ съ темпераментомъ и характеромъ нашей расы вездѣ, гдѣ она господствуетъ и прочно осѣла“. ¹⁾

Такимъ образомъ „англійское чувство“, о которомъ говоритъ Крембъ, не есть „чувство англичанина“, не есть чувство національнаго эгоизма, національнаго превосходства, чувство человѣка, противопоставляющаго себя другимъ, „не-англичанамъ“, а моральное состояніе, опредѣленный уровень мысли и міропониманія. Въ одномъ мѣстѣ своихъ „Origins“ онъ прямо такъ и говоритъ, что Британія должна сдѣлаться именемъ не только расы, но и идеала, описаніемъ или обозначеніемъ извѣстнаго „строга души“, какъ и свойствъ физическихъ, т.-е. должна получить тотъ же мистическій смыслъ, какъ Сіонъ у евреевъ и христіанъ.

Сравнивая римскую имперію съ британской, Крембъ отмѣчаетъ разницу въ самомъ пониманіи задачъ государства или имперіи. Право и справедливость считались въ Римѣ и въ средневѣковыхъ осколкахъ его высшей функціей государства, его главной цѣлью, его долгомъ. Право надѣлялось и водворялось сверху, какимъ-нибудь благодѣтельнымъ монархомъ или тираномъ. Британская же имперія смотритъ дальше. Водвореніе права для нея только средство къ цѣли, которая гораздо выше. Право она считаетъ не подаркомъ, а необходимѣйшимъ условіемъ человѣческаго существованія, какъ воздухъ и вода. Она даетъ свободу, въ которой люди и націи уже сами обеспечиваютъ себѣ право и справедливость. „Управленіе“, совпадавшее въ древности съ терми-

¹⁾ „Germany and England“, 125—126.